

Глава 6

Зарубежная командировка 1927 г. А.М. и Л.А. Мерварт и межмузейный обмен этнографическими коллекциями

В середине 1920-х годов руководство МАЭ вернулось к идее возобновления обмена коллекциями между этнографическими музеями. Международные связи Мервартов оказались весьма кстати. Письма, сохранившиеся в архивах Музеев народоведения в Мюнхене и Лейдене, раскрывают некоторые подробности переговоров по этой теме. Переписка велась в основном на немецком языке.

Музейная терминология в данный период времени не была устоявшейся, многие русские термины являлись по сути дела калькой немецких. Огромную работу по адекватному переводу немецких терминов проделала Н.М. Сысоева. В связи с этим мы сочли полезным привести основные музейные термины, наиболее часто встречающихся в немецких и русских¹ документах, публикуемых в настоящей работе, и дать разъяснение некоторых терминов, либо вышедших из употребления, либо отличных по своему значению от современных.

¹ Примеры употребления музейных терминов на русском языке см. в письмах Л.А. Мерварт Е.Ф. Карскому и в отчетах Мервартов о командировке в Голландию, Францию и Германию с 1 июня по 8 октября 1927 г.

Предмет (нем. der Gegenstand, das Objekt); вещь (нем. die Sache); «экспонат»²; «коллекция», «собрание» (нем. die Sammlung)³; термины «магазин» (нем. das Magazin), «магазинирование» (нем. die Magazinierung) соответствуют современным терминам «фондохранилище», «хранение»; термин «выставка» (нем. die Ausstellung)⁴ употребляется и в современном его значении, и как тождественный термину «экспозиция» (нем. die Exposition)⁵; термин «выставление» (также «выставление музея, отдела, коллекций», «предметы к выставлению» и т.п.) может соответствовать термину «экспонирование»; «новое выставление» (нем. die Neuaufstellung)⁶,

² Отсутствие в скобках немецких терминов, аналогичных русским, означает, что таковые в немецких документах не употребляются. — *Н.С.*

³ В письме на немецком языке от 13 июня 1929 г. Л.А. Мерварт сообщает об отправке в Лейден списка предметов ойратской коллекции, собранной для Государственного этнографического музея, употребляя при этом термин «die Kollektion». Данный термин, по нашему мнению, в сравнении с термином «die Sammlung» является более конкретным, понимать его следует как систематизированное собрание (подборку) предметов, составленное с определенной целью, по определенной тематике. — *Н.С.*

⁴ Термин «die Ausstellung» употребляется преимущественно в письмах А.М. Мерварта на немецком языке. — *Н.С.*

⁵ Термин «экспозиция» (нем. die Exposition) встречается только в одном из писем Л.А. Мерварта на немецком языке (от 14 февраля 1928 г.) и в ее отчете о командировке в Голландию, Францию и Германию с 1 июня по 8 октября 1927 г. — *Н.С.*

⁶ Термины «die Neuaufstellung», также «die Neuaufstellungsart» (т.е. «новый метод/способ выставления») употребляются в письмах Л. Шермана. Л.А. Мерварт в письме Е.Ф. Карскому, посвященном результатам знакомства с европейскими этнографическими музеями, пишет, в частности, что характерной особенностью **нового выставления** в Берлине является его резкое разделение на выставочные коллекции и магазины. В своем отчете о командировке в Голландию, Францию и Германию она пишет также о **перевыставлении** в 1926 г. Берлинского музея народоведения (последний термин является, по сути, синонимом термина «новое выставление»). — *Н.С.*

исходя из контекста, на наш взгляд, можно понимать и более широко — как реорганизацию/модернизацию экспонирования и хранения музейных коллекций и предметов.

Копии писем предоставлены зарубежными музеями. Эти документы не имеют архивных шифров и публикуются впервые.

После долгого перерыва 18 августа 1926 г. А.М. Мерварт из Ленинграда обратился к директору мюнхенского Музея народо-ведения профессору Люциану Шерману.

«Многоуважаемый господин профессор!

Господин Толмачев⁷, недавно побывавший в Мюнхене, сообщил мне, что в Вашем музее есть ряд этнографических предметов, которые Вы, возможно, готовы были передать нам по обмену. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы подтвердили это сообщение и прислали бы нам список соответствующих предметов. С удовольствием также узнали бы о Ваших пожеланиях по поводу обмена.

Мы вернулись два года назад после четырехлетнего пребывания в Индии — в период войны — и шестилетнего пребывания на Дальнем Востоке — Владивосток и Харбин. Наши коллекции удалось выставить к 200-летнему юбилею Академии наук. Сейчас собираемся подготовить результаты к печати. Предварительно я закончил путеводитель по нашим коллекциям — примерно 70 печатных страниц, который будет напечатан в течение осени. На днях я отослал в Париж свою статью — 60 страниц — “Les Kathakalis du Malabar”, которая вскоре выйдет в “Journal Asiatique”. Я был бы очень Вам обязан, если бы Вы смогли мне помочь опубликовать кое-что в Германии, в частности об индийском театре и индийской народной культуре [Volkstum⁸]. С большим интересом прочел вашу работу “Im Flussgebiete des Irrawaddy”, вспоминаю

⁷ Толмачев Иннокентий Павлович (1872–1950) — геолог, географ, палеонтолог, ученый хранитель Геологического музея Академии наук (с 1899 г.), ученый хранитель Музея Карнеги (с 1922 г.), профессор геологии в Питтсбургском университете.

⁸ Volkstum (нем.) — букв. «фольклор».

о добрых предвоенных временах, когда Вы и Ваша любезная супруга принимали нас. Были бы рады получить любое известие от Вас; остаюсь с неизменным почтением к Вашей семье

Ваш д-р А. Мерварт, Заведующий отделом Индии»

Профессор Шерман немедленно откликнулся на предложение об обмене коллекциями. На обратной стороне письма 4 сентября 1926 г. сделаны пометы:

«Для нас желательны:

Сибир<ские> и др. племена, как на парижской выст<авке> (гиляки, тунгусы, долганы, крымские татары).

Мы бы отдали: Сиам, Бирма, Океания, Африка.

Гамбург <неразб.> Тем временем подготовить список по обмену».

Вновь А.М. Мерварт написал Л. Шерману из Ленинграда 15 ноября 1926 г.

«Многоуважаемый господин профессор!

Благодарю Вас за сердечное письмо. На теплые Ваши приветствия, воскресившие в памяти старые добрые времена, мы отвечаем с такой же теплотой. Мне и Музею, к которому я имею честь принадлежать, доставило большое удовлетворение узнать, что и с Вашей стороны есть желание возобновить старые связи. Коллега Штернберг решительно высказывается в пользу плана по обмену и изъявил готовность предоставить коллекции в распоряжение Вашего сибирского отдела. При обсуждении Вашего предложения стало очевидным, что система обмена имеет смысл лишь в том случае, если осуществляется по определенному плану. Передача друг другу отдельных дублетных предметов едва ли имеет смысл, и поэтому оба наших музея должны стремиться, насколько это возможно, предоставлять иллюстративные⁹ и цельные коллекции. Мы можем быть Вам быть полезными в отношении коллекций сибирского культурного круга, поскольку и дублетами мы богаты, и у нас имеется возможность на месте пополнить недостающее. В настоящее время — благодаря работе

⁹ То есть иллюстрирующие жизнь какого-либо народа.

Штернберга, Богораза и других — в Сибири ведется интенсивная работа, и Вы вполне можете использовать нынешний благоприятный [Hausse¹⁰] момент. С другой стороны, у нас почти ничего нет из интересной области ассамских, шанских племен, качинов и т.д., где Вы лично работали. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне, что Вы можете предложить из этой области. Надеюсь приехать в Германию следующим летом, и тогда на месте мы сможем многое устроить.

Ваше дружеское предложение о помощи в издании моих работ принимаю с огромной благодарностью. В данный момент я пишу статью о малабарском сценическом переложении [Dramatisierung] “Рамаяны”. Тема чрезвычайно интересна и может разрабатываться в двух направлениях. Кроме литературно-исторического и художественно-аналитического обзора (примерно два печатных листа), я мог бы предоставить метрический перевод с вводной статьей, комментариями и иллюстрациями (по большей части собственными фотографиями), которые предназначались бы для широкой публики. Мне было бы очень приятно узнать Ваше мнение об этом. Мой путеводитель выйдет из печати, вероятно, в течение этих недель. Он уже в наборе. Конечно, я с большим удовольствием пошлю Вам экземпляр.

А теперь у меня к Вам еще одна большая просьба. Для работ в области дравидийской филологии, в особенности для работ по тамилам, мне нужен литероноситель [Schriftschildchen] с тамильским шрифтом для моей печатной машинки фирмы “Hammond”. Фирма “Hammond”¹¹ изготовила для своих печатных

¹⁰ Hausse (франц.; биржевой термин) — рост, подъем, повышение; конъюнктура; стечение обстоятельств, сложившаяся обстановка, создавшееся положение в какой-либо области общественной жизни, способные повлиять на исход, итог чего-либо.

¹¹ Джеймс Хэммонд (James Hammond) начал работу над своей пишущей машинкой в конце 1870-х годов, в 1880 г. запатентовал, в 1881 г. — изготовил. “Hammond” выделяется механической конструкцией: относится к типу бессегментных пишущих машинок, в которых вместо рычагов используется пишущая головка — единый литероноситель; имеет три

машинок около 250 сменных литероносителей, что позволяет использовать одну и ту же печатную машинку для самых разных языков. Я знаю, что среди этих 250 шрифтов есть и тамильский. У нас нет представителя этой фирмы, однако же я убежден, что в таком городе, как Мюнхен должна быть возможность прямо или через посредников получить нужный шрифт. Правила ввоза в нашей стране несколько затруднительны, и поэтому я обращаюсь к Вам, в надежде на Вашу любезность. Если Вы сможете получить литероноситель с тамильским шрифтом в Мюнхене, сами или через представителей фирмы “Hammond”, я бы попросил Вас купить его и выслать по адресу: д-ру А. Мерварту, Этнографический музей, Ленинград. СССР.

ряда клавиш и два регистра. Вместо литерных рычагов использовано литерное колесико с символами из закаленной резины, которое вращается в обе стороны — в зависимости от нажатия на клавиши; расположенный позади каретки пружинный молоточек наносит удар по литероносителю через бумагу и красящую ленту, чтобы произвести оттиск. Недостатком конструкции была сложность загрузки нового листа бумаги в каретку: поскольку ударный молоточек находился за валиком и препятствовал нормальной подаче бумаги, перед набором текста чистые листы помещали в цилиндрический держатель под валиком, бумага подавалась строка за строкой по мере продвижения страницы. Девизом Хэммонда стало «Для каждого народа, для каждого языка», что символизировало универсальность и удобство машинки. Литерные челноки были легко взаимозаменяемы, что позволяло использовать различные шрифты и языки; количество литероносителей с разными шрифтами достигало 200. Заменяя литероноситель, можно было менять гарнитуры шрифтов, переходить на иноязычные алфавиты, что для рычажных машинок стандартной конструкции было невозможно. Пишущие машинки «Hammond» широко использовались для печати текстов на нескольких языках. Продавались они дорого — за 100 долларов. Нью-Йоркская фирма “Hammond Typewriter Co.” производила модель “Hammond-Multiplex” с незначительными модификациями с 1880 по 1927 г. Затем компания была продана “Frederick Hepburn Co.” и переименована в “Varityper”, в годы Великой депрессии в США в 1933 г. перепродана компании “Ralph C. Coxhead”.

Сумму, которую Вы изволите мне сообщить, тотчас же вышлю Вам. Прошу извинить мою докучливость, причина которой кроется в нынешних трудностях. В ожидании Вашего следующего письма и с просьбой передать мой сердечный привет всем Вашим Благодарный и преданный Вам А. Мерварт».

Л. Шерман незамедлительно приступил к поиску тамильского шрифта, о чем 3 декабря 1926 г. сообщил А. Мерварту:

«Глубокоуважаемый коллега!

Искренне благодарю Вас за Ваше дружеское письмо, которое меня очень порадовало. Сначала отвечу на Ваш запрос. Здешняя фирма “Reinhold Schulz”, откуда получена наша пишущая машинка, выразила готовность приобрести тамильский шрифт через генеральное представительство фирмы “Hammond” в Берлине; но прежде они хотят знать, какая клавиатура для Вас желательна — двухрядная или трехрядная — и, соответственно, номер и наименование Вашей пишущей машинки. Так что прошу Вас незамедлительно сообщить мне об этом, чтобы я смог исполнить поручение; шрифт вышлю Вам ценной посылкой.

Ваши предложения по обмену мне вполне понятны. Как только позволит время, я составлю список передаваемых предметов из Ассамы и Бирмы в виде таблицы и просил бы Вас тем временем позаботиться о составлении такой же таблицы по сибирским народам. Как у Вас обстоят дела с сибирской бронзой из Минусинска?

О размещении упомянутой Вами статьи по южноиндийской литературе я с удовольствием похлопочу.

На сегодня все. С сердечным приветом

Преданный Вам Л. Шерман».

10 декабря 1926 г. А.М. Мерварт ответил:

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Благодарю Вас за Вашу готовность оказать содействие в приобретении литероносителя с тамильским шрифтом. Наименование и серийный номер моей пишущей машинки — “Hammond Multiplex № 157063”. Клавиатура трехрядная. Выполнение формальностей облегчится, если вы пошлете бандероль от своего

имени. Надеюсь, что это не доставит Вам очень больших неудобств. Заранее сердечно благодарю Вас. С наилучшими пожеланиями, спешу.

Неизменно преданный Вам А. Мерварт».

Согласно карандашным пометам, письмо «получено 16.12.1926. Литероноситель заказан у Schulz 18.12.1926».

Поиск тамильского шрифта пришелся на кризисный для фирмы период. Л. Шерман информировал А. Мерварта о своих усилиях 3 мая 1927 г.:

«Глубокоуважаемый коллега!

Вы, вероятно, полагаете, что я забыл о Ваших просьбах по поводу пишущей машинки “Hammond”. Напротив, с фирмами-изготовителями пишущих машинок вновь и вновь обсуждается вопрос о том, верны ли Ваши сведения о наличии среди 250-ти шрифтов “Hammond” тамильского шрифта. Представителя нью-йоркской фирмы в Мюнхене нет; тем не менее одна из авторитетнейших фирм-поставщиков, с которой я обыкновенно имею дело, приобрела каталог “Hammond Types”, но и в этот каталог, хотя он снабжен “Списком дополнений” [“Additional list”], тамильский шрифт не включен. Остается только вероятность, что переданный мне каталог, поскольку в нем отсутствует дата, не самый новый.

Для того чтобы дело наше продвигалось вперед — ибо только сегодня вышеупомянутый каталог, несмотря на неоднократные настойчивые просьбы, попадет мне в руки — я теперь напишу прямо в Нью-Йорк и по получении ответа тотчас дам Вам знать. А пока я хотел бы задать Вам вопрос, на чем основаны Ваши слова “я знаю, что среди этих 250-ти есть тамильский шрифт”.

Впрочем, я еще раз попытаюсь ускорить решение вопроса — напишу в Англию индологу Sir George A. Grierson, Вам, конечно же, также известному. Этот ученый, насколько мне помнится, на протяжении десятилетий пользуется печатной машинкой “Hammond” и убежден в ее превосходстве. Сэр Грирсон — человек преклонного возраста, но полтора года назад, когда я навестил его, он был крепок и бодр. Если все точно так же сложится с моим

письмом, которое я сегодня отправляю, то мы скоро получим надежные сведения.

Вы думали о наших дальнейших планах по обмену? Как насчет перспективы увидеть Вас в Германии? Я бы охотно показал Вам наше новое выставление; к лету должны быть готовы три индийских зала.

*С наилучшими пожеланиями
Преданный Вам Л. Шерман».*

Выдающийся британский лингвист-индолог сэр Джордж Абрахам Грирсон (George Abraham Grierson, 1851–1941) происходил из семьи типографов и издателей, много лет был управляющим Лингвистической службы Индии, подготовил 19 томов «Лингвистического обозрения Индии» (1909–1928 гг.)¹². Он был главным консультантом европейских библиотек и ученых в области индийских языков. 4 мая 1927 г. Л. Шерман писал Грирсону по-английски:

«Дорогой сэр Джордж,

Извините, что беспокою Вас в интересах русского друга. Он стремится добыть тамильский алфавит для машинки “Hammond”, которой пользуется уже несколько лет. Ныне в Мюнхене нет представителей компании “Hammond”, а из Берлина ответили, что в списке челноков [Type Shattles] нет тамильского шрифта.

Помня Ваши хвалебные слова о качестве машинки “Hammond” [имеющейся] в Вашем распоряжении, я отваживаюсь осведомиться у Вас относительно информации о том, возможно или нет купить тамильский алфавит для машинки “Hammond”. Мне было бы очень приятно воспользоваться Вашим любезным ответом, чтобы помочь моему другу в Ленинградском музее.

Надеясь, что эти строки застанут Вас и леди Грирсон в добром здравии, я остаюсь, дорогой сэр Джордж, с наилучшими пожеланиями от нас обоих, всегда ваш Л. Шерман».

¹² Grierson George Abraham. Linguistic Survey of India. Calcutta: Government Press, 1911. 11 Vols. in 21 Parts.

Ответ был получен немедленно, 7 июля 1927 г., от Эрнеста Холла (Ernest H. Hall) из Ратфарнема (Rathfarnham, Camberley, Surrey):

«Дорогой сэр,

Я уполномочен сэром Джорджем Грирсоном, который, к сожалению, прикован к постели болезнью, подтвердить получение Вашего письма от 4 мая. Он с сожалением сообщает, что ему не кажется, что существует хотя бы один челнок пишущей машинки “Hammond” с тамильскими буквами. Я сегодня напишу в компанию “Hammond” в Лондон и попрошу их дать вам знать, изготавливались ли в последнее время такие челноки.

Сэр Джордж шлет свои и леди Грирсон добрые пожелания г-же Шерман и Вам и надеется, что вы оба в добром здравии. Он сожалеет, что из-за приступа ларингита не может написать сам.

Искренне Ваш Эрнест Х. Холл».

Одновременно Л. Шерман отправил подобные запросы в Нью-Йорк и фирме “Reinhold Schulz” в Мюнхен 4 мая 1927 г.:

«С благодарностью возвращаем любезно пересланный нам список “Hammond Types”. Тамильского шрифта среди индийских в нем действительно нет, и я могу только предполагать, что Вам был предъявлен не самый последний список, т.к. господин из Петербурга совершенно ясно пишет, что он осведомлен о наличии тамильского алфавита.

Для того чтобы окончательно прояснить обстоятельства дела, я только что написал в фирму “Hammond” в Нью-Йорк.

С глубоким уважением, Л. Шерман».

Копия письма 13 мая 1927 г. от управляющего компании пишущих машинок «Хэммонд» (The Hammond Typewriter Co., Ltd.) в Лондоне была приложена Л. Шерманом к его письму А. Мерварту:

«Дорогой сэр,

Мы получили от сэра Джорджа Грирсона письмо относительно тамильского шрифта для пишущей машинки “Hammond” с просьбой выяснить, изготавливается ли этот шрифт для наших машинок. Ныне мы не производим шрифт для тамильского языка, но мы просили сэра Джорджа Грирсона оказать по возможности любезность передать нам образцы тамильского шрифта, чтобы мы

смогли представить подобный в Нью-Йорк и посмотреть, возможно ли организовать изготовление шрифта, пригодного для печатания на этом языке. Если у Вас есть образцы, мы будем рады получить их, когда изготовители будут рассматривать вопрос.

Благодарим Вас за Ваш интерес к “Hammond Typewriter” и уверяем Вас, что мы всегда готовы отвечать быстро и внимательно.

Искренне ваш главный управляющий The Hammond Typewriter Co., Ltd.»

Эти ответы Л. Шерман прокомментировал в письме А. Мерварту 16 мая 1927 г.:

«Глубокоуважаемый коллега!

Мои сомнения в Вашем источнике информации были все-таки обоснованны: приложенное здесь письмо может послужить Вам доказательством того, что фирма “Hammond” не располагает тамильским шрифтом. Но из этого письма Вы видите также, что представители фирмы намерены приобрести его. Следовательно, лично или при моем посредничестве Вы сможете продолжать заниматься этим делом.

Быстрому улаживанию вопроса я обязан сэру Джорджу Грирсо-ну, сам он, конечно, тоже не располагает тамильским шрифтом.

С наилучшими пожеланиями

Преданный Вам Л. Шерман»

Поиски тамильских шрифтов А.М. Мерварт продолжил лично в ходе командировки в Европу летом 1927 г.

Президиум АН СССР 22 ноября 1926 г. (на основании отношения неперменного секретаря от 26 ноября 1926 г. за № 7467) признал желательность командирования в 1927 г. зав. отделом Индонезии МАЭ Л.А. Мерварт и ученого хранителя МАЭ А.М. Мерварта за границу с ассигнованием 400 руб. из общеакадемического золотого кредита на заграничные командировки, о чем было положено снести с Комиссией Совета народных комиссаров СССР по содействию работам АН [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 7]. Управление делами СНК СССР 14 мая 1927 г. разрешило командировки А.М. и Л.А. Мерварт, о выдаче им заграничных паспортов было сделано соответствующее распоряжение [СПбФ АРАН.

Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 361]. Командированным АН СССР для научных занятий в Германии, Франции и Голландии с 1 июня 1927 г. сроком на четыре месяца Мервартам было выдано удостоверение № 3969 от 18 мая 1927 г. [СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 13 об.]. Вновь 22 сентября 1927 г. Президиум АН СССР поддержал ходатайство директора МАЭ о продлении командировки сотрудников МАЭ А.М. и Л.А. Мервартов на две недели для посещения некоторых музеев в Германии и окончания их научной работы [Там же. Ед. хр. 1041. Л. 9].

Поездка в Германию позволила А.М. Мерварту увидеть после долгого перерыва родных. В г. Брухзаль Мерварты провели праздники (немецкую Троицу) и оставили детей у родителей Александра Михайловича [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 237]. Одновременно А.М. Мерварт восстановил прежние связи и знакомства в Германии: в Берлине жили его двоюродный брат Рудольф Мерварт (профессор статистики Берлинского университета) и старый приятель Фр. Вильд, артист, с женой; в Гейдельберге — его учителя профессор истории М. Хампе и профессор англистики Хоонс, бывший товарищ по гимназии член окружного суда А. Бэр; во Фрейбурге — профессор Зауэр, старый университетский приятель профессор Вебер; в Карлсруэ — двоюродный брат Роберт Мерварт и владелец часового магазина, друг отца преподаватель техникума Видеман; в Тюбингене — старые друзья Р. Руофф и его семья. В Штутгарте, в доме друзей Руофф, он встретился с Дорой фон Путлиц, которая в 1927–1928 гг. приехала в Россию изучать положение работниц [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 303].

Прибыв в Брухзаль, 6 июня 1927 г. А.М. Мерварт написал Л. Шерману:

«Многоуважаемый господин профессор!

Простите великодушно, что до сих пор не ответил на Ваше письмо и не поблагодарил Вас за хлопоты в отношении тамильского шрифта. Дело в том, что я хотел быть уверенным, что из моей поездки в Германию в конечном итоге все же что-то получится, прежде чем дать Вам окончательный ответ. Как Вы види-

те по дате, после четырнадцатилетнего отсутствия я вернулся на свою старую родину, и теперь моя надежда приехать в Мюнхен скоро осуществится. В данный момент речь идет о том, чтобы решить, когда это лучше всего сделать. В связи с этим я был бы Вам очень признателен, если бы Вы в нескольких словах любезно сообщили мне о Ваших планах на нынешнее лето (поездок или работы). Положение вещей таково, что из Брухзаля, где живут мои престарелые родители, я должен ехать в Берлин, с тем чтобы отрекомендоваться представителю Советского Союза и получить различные визы, в частности французскую. Оттуда я собираюсь на два месяца поехать в Париж, буду работать там с одним тамильским мунши¹³. Так как этот господин может пробыть в Париже только до начала августа, я, конечно, должен по мере возможности использовать время. В общем, до начала октября намереваюсь оставаться в Германии. Сентябрь хотел бы отчасти использовать для того, чтобы немного отдохнуть, где, еще точно не знаю, вероятно, в Киссингене¹⁴.

Такова в самых общих чертах моя программа. Я собирался поехать в Мюнхен либо в августе, либо в сентябре. Для осуществления наших планов по обмену, безусловно, совершенно необходимо встретиться с Вами в Мюнхене. Поэтому я буду ориентироваться на Вас и, смотря по обстоятельствам, менять свои планы. Пожалуйста, дайте мне сразу же знать, какое время для Вас наиболее удобно. Уже сейчас я очень радуюсь возможности возобновить наше знакомство, которое является одним из самых дорогих моих воспоминаний.

Кланяйтесь нижайше Вашей глубокоуважаемой супруге от меня и моей жены, также приехавшей со мной в Германию. С наилучшими пожеланиями остаюсь

Преданный Вам А. Мерварт».

¹³ Munshi (перс.) — подрядчик, писец. В Британский период в Индии — учитель восточного языка, секретарь, клерк на европейской службе.

¹⁴ Бад-Киссинген (Bad-Kissingen) — город в Германии, районный центр, курорт, расположен в земле Бавария.

Л. Шерман немедленно ответил 7 июня 1927 г.:

«Дорогой коллега!

Из Вашего только что пришедшего письма я могу заключить, что мои строки от 16 мая Вы получили еще в России. Стало быть, свои хлопоты, связанные с изготовлением тамильского шрифта “Nattond Comranu”, Вы сможете продолжить из Германии.

Достаточно по этой теме. Гораздо ближе моему сердцу донести до Вас мою радость, что Вы наконец вновь в Германии и значит у нас есть шансы на личное плодотворное обсуждение здесь, в Мюнхене, где Вы, несомненно, с сердечным участием оцените по достоинству и наши старания по организации нового выставления в музее.

Теперь, следуя Вашему предложению условиться о наиболее подходящем для нашей встречи времени, предварю свой ответ словами — “чем раньше, тем лучше”. Об отдельных подробностях моих отпускных планов в настоящий момент могу Вам сообщить только, что до 1 августа я наверняка не уеду, и не более того. К тому же, если получение иностранных виз в Берлине не требует особой спешки, я был бы Вам очень признателен, если по крайней мере первое, вероятно, более краткосрочное посещение Мюнхена Вы запланировали бы прямо сейчас, находясь в Брухзале. Нужно будет позаботиться о квартире для Вас и Вашей супруги, которой в ответ мы также передаем наилучшие пожелания, напишите мне, только без промедления.

Надеюсь, что мое предложение Вы примете во внимание в равной степени и серьезно, и благожелательно. Искренне рады скоро вновь увидеть Вас.

По-прежнему [In alter Gesinnung] Ваш преданный Л. Шерман.

Прошу обратить внимание на вышеприведенный адрес музея¹⁵;

¹⁵ Первоначально для мюнхенского Museum für Völkerkunde (в 1917–1954 гг. — Музей народоведения) было выделено здание галереи в Hofgartenarkaden. С 1925–1926 гг. музей располагается по адресу Maximilianstraße, 42, в здании, построенном для Баварского Национального музея в 1859–1865 гг. архитектором Эдуардом Риделем (Eduard Riedel).

Моя квартира: Герцогштрассе, 8, здесь меня можно застать в любое время по телеграфу и телефону».

Согласно командировочному заданию А.М. Мерварт в Германии посетил ряд музеев и Фотографический институт¹⁶. В Берлине с ним встречались профессор Фирландт (Vierlandt), языковед Макс Юлиус Фридрих Фасмер (Max Julius Friedrich Vasmer, 1886–1962), индологи Генрих Людерс (Heinrich Lüders, 1869–1943) и Гельмут фон Глазенapp (Helmuth von Glasenapp, 1891–1963), востоковед Эдуард Мейер (Eduard Meyer, 1855–1930), эстетик и психолог Макс Дессуар (Max Dessoir, 1867–1947), содиректора Института театроведения Макс Герман (Max Herrmann, 1865–1942) и Юлиус Петерсен (Julius Petersen, 1878–1941), секретарь Института Кнудсен, сотрудник Музея народоведения Ганс Финдейзен (Hans Findeisen, 1903–1968) и руководитель индийского отдела этого музея Стеннер; в Музее народоведения в Мюнхене — директор профессор Люциан Шерман (Lucian Scherman, 1864–1946), хранитель кавказовед профессор Адольф Дирр (Adolf Dirr, 1867–1930), приват-доцент Бахофен [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 296–296 об.], старший хранитель африканист патер Майнульф Кюстерс¹⁷ (Meinulf Küsters, 1890–1947) — католический миссионер-бенедиктинец [Там же. Л. 128–130], хранитель музея Ф.Ф. Зелинский — эмигрант, воспитатель в сельской школе-интернате (Landerziehungsheim) в Унтершондорфе (близ Мюнхена); в Лейпциге — издатель Карл Гирземан¹⁸ (Karl Wilhelm Hiersemann),

¹⁶ Wissenschaftlich-Photographische Institut основан в 1908 г. при Дрезденском техническом университете Робертом Лютером (Robert Thomas Dietrich Luther). С 2008 г. — Institut für Angewandte Photophysik.

¹⁷ Кюстерс Майнульф (Pater Dr. Meinulf Küsters, 1890–1947), миссионер-бенедиктинец, работавший в Южной и Восточной Африке, первый научный куратор отдела Африки мюнхенского Музея народоведения, собиратель этнографических коллекций.

¹⁸ Гирземан Карл (Karl Wilhelm Hiersemann, 1854–1928) — немецкий книгоиздатель и антиквар.

поставщик книг Федор Александрович Браун¹⁹ (Friedrich Braun), директор Музея народоведения профессор Ф. Краузе (Fritz Krause, 1881–1963) и др.

В Институте театроведения (Institut für Theaterwissenschaft) при Берлинском университете А.М. Мерварт выступил с публичным докладом на тему “Das indische Volkstheater” («Индийский народный театр») [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 237]. Институт был основан театроведом Максом Германом в 1923 г.

В берлинском собрании звукозаписей — Lautabteilung der Preussischen Staatsbibliothek (букв. «Звуковой отдел» — фонограммархив Прусской государственной библиотеки, основанный в 1920 г.) — А.М. Мерварт отложил необходимые ему для преподавания шесть дравидийских звукозаписей, чтобы приобрести их на обратном пути [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 240].

В Лейпциге он посетил литейную “J.G. Schelter & Giesecke”²⁰ и обсудил возможность заказать там тамильские шрифты [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 41]. Этот завод с 1819 г. специализировался на отливке типографских шрифтов и производстве печатных прессов, в 1948 г. реорганизован в единственную в Германской Демократической Республике словолитню “Turcoat”. По возвращении 27 октября 1927 г. он подал заявку неперемennomу секретарю АН СССР академику С.Ф. Ольденбургу о *«выписке из-за границы тамильского шрифта за счет золотого фонда Академии наук, согласно спецификациям, которые я послал Вам летом при моем отчете из-за границы. Шрифт необходим для печатания имеющейся рукописи моей тамильской грамма-*

¹⁹ Браун Федор Александрович (Friedrich Braun, 1862–1942) — филолог-германист, профессор Лейпцигского университета.

²⁰ Этот завод с 1819 г. специализировался на отливке типографских шрифтов и производстве печатных прессов, в 1948 г. реорганизован в единственную в Германской Демократической Республике словолитню “Turcoat”.

тики, работ по тамильской филологии и этнографии» [Там же. Ед. хр. 8. Л. 21].

Директору МАЭ Е.Ф. Карскому о своих успехах А.М. Мерварт сообщал 17 июня 1927 г. из Берлина (Kantstr. 149):

«Глубокоуважаемый Ефим Федорович!

Считаю своим долгом сообщить Вам и через Вас коллегам по Музею о том, что мною пока сделано по выполнению командировки. Мы приехали в Гамбург 31-го мая вечером. Так как с нами были дети, то мы, не останавливаясь в Гамбурге, отправились на следующее же утро в г. Брухзаль, где живут мои родители, чтобы у них оставить детей. Там мы провели праздники (немецкую Троицу). Отсюда я сразу снесся с Директором Мюнхенского Музея профессором Шерманом, от которого я получил настойчивое приглашение приехать немедленно в Мюнхен. Я сейчас по получении его письма поехал в Мюнхен и был принят чрезвычайно мило и радушно. Что касается вопроса об обмене с Мюнхенским Музеем, то у нас было по этому поводу несколько разговоров. Со стороны Мюнхена существует большая готовность работать с нами. С другой стороны, как раз те отделы, где они очень бедны — Сибирский, Средней Азии, — у нас или прекрасно снабжены, или же являются как раз теперь центром нашей собирательской и исследовательской работы. Таким образом, мы были бы на долгое время в состоянии обладать материалом для обмена. В то же самое время Мюнхенский Музей после своего переезда и ввиду своей теперешней выставки обладает довольно интересным материалом для обмена с нами. В первую очередь меня заинтересовали те предметы, которые были в 1911 г. Шерманом привезены из Индо-Китая, в особенности из горной области Ассама, от шанских племен (Kachin, Naga, Karen и т.д.). У нас из этой области, кроме привезенного мной набора оружия племени Naga, ничего нет. Впрочем, было бы трудно из того материала, который сейчас мог бы поступить к нам в порядке обмена, составить какую-нибудь цельную коллекцию. Хотя бы одного племени. Но при типологическом подходе, который пока проводится в моем Отделе — а также для нужд Отдела эволюции — можно бы найти очень интерес-

ный материал. Тем более что многое уже теперь делается почти недоступной редкостью. Из области музыкальных инструментов могу указать на целый ряд экспонатов из Индо-Китая, которые являлись бы прекрасным пополнением нашей коллекции, как, например, так называемые *Frog-drums*²¹ каренов, которые очень трудно найти. Кроме того, было бы возможно и из других областей составить довольно интересные для нас коллекции. Я пока интересовался только теми коллекциями, которые имеют значение для Отдела Индии. Но я буду ещё раз в Мюнхене в сентябре на более продолжительный срок, и тогда я ознакомлюсь подробно с материалами, имеющими значение для наших других Отделов. Особенно хорошо представлены Африка, Индонезия и отчасти Южная Америка. Мюнхенский Музей имеет особое значение для обмена тем, что он строго централизован и находится в ведении одного энергичного и любящего свое дело человека. Этим этот Музей отличается выгодно от Берлинского Музея, который фактически представляет собой ряд Этнографических Музеев, связанных между собой лишь топографически, и находятся в состоянии вечной междоусобицы. При теперешнем положении вещей я считаю совершенно невозможным вступить с Берлинским Музеем в обмен. Если мы, примерно, хотим получить индийские вещи, мы должны им дать тоже индийские вещи, потому что руководитель Индийского Отдела не подумает отдать — хотя бы совершенно ненужные — индийские предметы в обмен за предметы, нужные Сибирскому отделу. Это деление Этнографического Музея на совершенно независимые отдельные «музейни» отражается пагубно на всём, не только на возможностях обмена. Директора ведь здешний Музей не имеет, существует Генеральный Директор Государственных Музеев, которому подчинены не только Этнографический, но и другие Музеи и коллекции. Добиться толку через этого Генерального Директора, по отзывам здешних знатоков положения, немислимо, тем более, что он этнографией не интересуется — он специалист по

²¹ Лягушачьи барабаны (англ.).

истории искусства, и такие переговоры кончили бы свое существование где-нибудь под сукном. Другое дело в Мюнхене, где имеешь дело с одним человеком, соображающим быстро и деловито. Пока мы с ним выработали следующий план совместной работы: Мюнхенский Музей охотнее всего принял бы участие — конечно, только материальное — в наших экспедиционных и собирательских работах в Сибири и Средней Азии. При этом участие Мюнхенского Музея может выразиться или в деньгах, или в предметах. В первом случае мы указываем, сколько потребуется на приобретение более или менее представительной коллекции по тому племени, куда отправляется данный собиратель. Эта сумма складывается из стоимости предмета на месте, транспортных расходов и известной доли — до 50 % — общих расходов по экспедиции. Последнее, конечно, должно решиться нами, по справедливой расценке, в каждом отдельном случае. Деньги могут, по нашему желанию, быть переведены в Россию или же могут служить валютным фондом для приобретения коллекций, книг или инструментов за границей. В последнем случае издержки на приобретение дублетов берет на себя тот Отдел, который в конце концов использует эти валютные суммы. Вместо денег могут быть приобретаемы предметы Мюнхенского Музея — по списку, который я осенью думаю составить с приблизительными ценами — оцененные по справедливости. Таким образом вводится с обеих сторон известное мерило — цена предмета, выраженная в деньгах — которое легко можно определить из известных данных, и исключается в значительной мере досадное чувство, что другая сторона получила больше, чем следовало. Если нам угодно, можно выбрать, как нейтральное место обмена, наше Торговое Представительство в Берлине, но, думается мне, при добром желании мы сможем скоро поставить это дело на более простую почву. Мне кажется, что, при сотрудничестве всех Отделов, можно будет поставить это дело обмена на надлежащую высоту, что, конечно, очень важно для тех отделов нашего Музея, которые в настоящее время лишены возможности непосредственной работы на месте. Я постараюсь здесь, в Берлине, прийти

к какому-нибудь соглашению, но сомневаюсь в возможности его проведения в жизнь. В понедельник я поеду в Лейпциг, буду также на днях в Гамбурге и, вероятно, в Кёльне. В настоящее время изучение Этнографических музеев представляет особый интерес ввиду того, что самые большие музеи Германии, мюнхенский, берлинский, лейпцигский и др., только что совершенно перестроились или перестраиваются. Я был поражен в Мюнхене множеством новых и интересных впечатлений и идей, но об этой стороне моей работы я предполагаю подробно говорить осенью в форме ряда докладов в нашем Совете.

Я останусь в Берлине ещё до 25-го с[его] м[есяца], так как 24-го я должен прочесть доклад в Университете об индийском народном театре. Отсюда я поеду на 1,5–2 месяца в Париж. С покорнейшей просьбою передать мой сердечный привет дорогим коллегам я остаюсь искренне преданный Вам Александр Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 237–239 об.].

Второе письмо с германскими впечатлениями А.М. Мерварта было отправлено из Парижа 23 июня 1927 г.:

«Глубокоуважаемый Ефим Федорович,

Пишу свой второй отчет уже из Парижа. Сюда мы приехали 26 июня вечером, и я предполагаю оставаться здесь до конца августа, а может быть ещё и часть сентября. Дело в том, что я нашел здесь индийца, который свободно читает на трех южно-индийских наречиях, и это такая редкость, что ее надо непременно использовать. В Германии мы побывали в Берлине и в Лейпциге — мой отчет о Мюнхене Вы, надеюсь, получили — и успели кое-что сделать. О музеях и о деле обмена Вам Людмила Александровна напишет. Кроме работы в Музеях, мы также завязали сношения с так называемым *Lautabteilung* берлинской Государственной библиотеки. Это чрезвычайно интересное учреждение, основанное во время Мировой войны профессором *Doegen*'ом²², использовавшим

²² Дёген Вильгельм (Wilhelm Albert Doegen, 1877–1967) — профессор, немецкий лингвист. Организатор первого в Германии (1905) Музея голосов народов (Stimmen-Museum der Völker). Руководитель (1916)

наличие военнопленных со всех концов земного шара для записывания языковых памятников — речи, пения и т.д. Это собрание пластинок для граммофона не имеет себе равного в других местах, и нам, конечно, очень важно использовать это богатство и для работы нашего Музея и Академии вообще. Мы познакомились с постановкой дела, слушали ряд записей — 6 дравидийских и несколько малайских — и сговорились пока о следующем: 6 дравидийских записей, которые мне нужны, главным образом, для преподавания, я просил отложить для меня с тем, что я куплю их на обратном пути. Они стоят по 5 марок, т.е. 2,50 руб. Это очень недорого. Кроме того, выяснилось, что имеется большое количество хороших записей на разных финских и урало-алтайских наречиях, которые доставляют местным ученым значительные затруднения. Из 120 пластинок только 50 снабжены письменным текстом. Все нуждающиеся в филологической и главным образом в лингвистической и фонетической обработке Институт *Lautabteilung* готов предоставить русским ученым эти пластинки — и, вероятно, ряд других — для обработки, причем разобранные пластинки остаются собственностью того учреждения, которое их обработало. Для Вашего личного сведения сообщаю, что имеется большое количество славянских, в частности, русских записей, которыми сейчас занят М.Р. Фасмер. Кстати, последний будет, во всей вероятности, на днях избран членом Правления этого Института и сможет нам содействовать. Мы были у него несколько раз, и он обратил наше внимание на лингвистические сокровища *Lautabteilung*. Более или менее твердое решение по этому поводу может быть достигнуто, конечно, лишь официальным путем, лучше всего через Академию.

В Берлине я выступил с публичным докладом в *Institut für Theaterwissenschaft* на тему “*Das indische Volkstheater*”²³. Было много народу, в частности пришли проф. *Lüders*, *Ed. Meyer*, *Dessoir*,

Звукового отдела (*Lautabteilung*) при Прусской государственной библиотеке в Берлине (1920).

²³ «Индийский народный театр» (нем.).

Vierlandt, Petersen, Glasenapp, Herrmann и др. и около 120 чел. студентов, театроведов, директоров здешних театров. Я говорил 1¼ [часа] и показал 35 диапозитивов. Насколько я мог заметить, доклад имел успех. В своем вступительном слове проф. Herrmann указал на особо важную роль России как в этнографии, так и в изучении театра, сослался на нашу театральную выставку. Вообще у меня сложилось впечатление, что в Германии сейчас подчеркнуто любезно относятся к России, к русской науке и ее деятелям.

16-го июня мы получили наконец французскую визу, но так как я уже обещал свой доклад, я должен был остаться до 24-го. 25-го мы отправились в Лейпциг, где мне удалось найти завод для отливания тамильского типографского шрифта. Я побывал там, и жду теперь их окончательного предложения с указанием цен. Мы также были в новом Этнографическом музее, но нашли пока только одни голые стены. Видели мы в Лейпциге также Ф.А. Брауна, который теперь читает русскую историю и, по-видимому, чувствует себя свежим и бодрым и вполне удовлетворенным.

Скоро будет 1 июля, и мы с нетерпением и, правду сказать, с некоторым опасением ждем перевода нашего июльского жалования. Без *nervus rerum*²⁴ трудно существовать, даже при нашем скромном образе жизни. Может быть, Ефим Федорович, Вы при случае шепнете Майхровскому, если он еще не отослал наши деньги, что это очень и очень следовало бы сделать. Если нашим коллегам по Музею интересно, то, пожалуйста, прочтите им из этого письма то, что имеет общий интерес. Софии Николаевне прошу передать мой сердечный привет.

Всегда искренне Ваш преданный А. Мерварт [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 240–241].

Во Франции А.М. Мерварт работал в Париже в музеях Trocadéro, Guimet, Louvre, Cluny, в Bibliothèque Nationale и специализированных библиотеках, в том числе École Nationale des Langues Vivantes Orientales (далее — ÈNLVO, Национальная школа современных восточных языков).

²⁴ «Нерв вещей» (лат). — самое главное, суть чего-либо.

Поселились Мерварты в VII округе Парижа по адресу Hôtel du Pavillon, 6 Rue de Verneuil. Пансион содержала кузина Л.А. Мерварт Ольга Львовна Семадени, переехавшая из Киева во Францию. Там же остановился и командированный в Европу В.Н. Бенешевич. *«Это я убедила его переехать туда из гостиницы, т.к. он забывает обедать. Каждый вечер тащили его обедать в столовку. Днем он сидел, не поднимая головы, в рукописном отделе Bibliothèque Nationale; если я там работала в читальном зале (а не в Institut des Langues vivantes Orientales, 2 rue Lille), то я его извлекала завтракать. Когда я в конце августа уехала лечиться на три недели в Brides-les-Bains²⁵, то звала его поехать со мной. Но он торопился в Рим и не заехал ко мне».* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 240].

Пансион был расположен очень удобно для работы: всего в одном квартале; на параллельной улице (rue de Lille, 2) с 1874 г. работало знаменитое учебное учреждение, в котором преподавались восточные языки. В 1914–1971 гг. оно называлось ÈNLVO, с 1971 г. — INALCO (Institut national des langues et civilisations orientales, Национальный институт восточных языков и цивилизаций). В соседнем здании (rue de Lille, 4) размещалась специальная библиотека ÈNLVO.

Среди французских знакомых А.М. Мерварта — управляющий ÈNLVO славист Поль Бойе (Paul Boyer, 1864–1949), создатель Французского института в Санкт-Петербурге (1911) [Deux siècles 1995: 130]; славист Андре Мазон (André Mazon, 1881–1967) — профессор le Collège de France; социолог и антрополог Марсель Мосс (Marcel Mauss, 1872–1950); бывший французский консул на о-ве Мадагаскар, полиглот Габриэль Ферран (Gabriel Ferrand, 1864–1935) — редактор “Journal Asiatique” в 1930–1935 гг. (пасынок Феррана был женат на дочери Г.В. Плеханова); языковед и латинист Жюль Марузо (Jules Marouzeau, 1878–1964), директор Высшей практической школы (l'École pratique des Hautes Études)

²⁵ Брид-Ле-Бэн (Brides-les-Bains) — курорт с термальными источниками в департаменте Савойя (Франция).

в Париже (с 1920 г.); а также Хакэн (Haquin), Лонжевэн (Langevin) и др. Синолога и буддолога Поля Пеллио (Paul Pelliot, 1878–1945) А.М. Мерварт знал еще по Владивостоку. Во Франции этот универсальный специалист стал президентом Société Asiatique (Азиатского общества), директором по исследованиям Практической школы высших исследований (с 1927 г.) [Ibid.: 292–293]. С ведущим французским индологом и буддологом Сильвеном Леви (Sylvain Lévi, 1863–1935) А.М. Мерварт впервые встретился в Харбине на приеме у французского консула. Леви — автор классического труда по индийскому театру, член-корреспондент РАН (с 1918 г.) по Отделению исторических наук и филологии (разряд восточной словесности — индология).

В Париже А.М. Мерварт встречался со знаменитой М. Скловской-Кюри. Старая эмигрантка-социалистка Н.Е. Шупан и ее муж ввела А.М. Мерварта в дом Выготского в парижском квартале Пасси, в этом уголке России, оказавшемся на перекрестках европейской цивилизации.

Из Парижа А.М. Мерварт писал Л. Шерману 21 июля 1927 г.:

«Дорогой господин профессор!

Посылаю Вам сегодня отдельной бандеролью свою статью о “Катхакали” Малабара, опубликованную в “Journal Asiatique”. Мне было бы очень приятно, если бы Вы нашли время, чтобы ознакомиться с ней и, по возможности, обсудить. Ведь тема “Народный театр”, особенно в Индии, весьма важна и, в сущности, еще вовсе не была в достаточной степени включена в историю индийской драмы.

Со времени Мюнхена я вел настоящую кочевническую жизнь. Берлин с его музейными преобразованиями²⁶ оставил у меня до-

²⁶ В 1926 г. экспозиция Музея народоведения в главном здании на Königsgrätzer Straße (ныне — Stresemannstraße) в центре Берлина была значительно изменена, часть коллекций перемещена в новое здание музея в Далеме (Dahlem). Это здание было сильно повреждено в годы Второй мировой войны, снесено в 1961 г., на его месте в Далеме построен новый музейный комплекс по адресу Lansstraße, 8 / Arnimallee, 25.

вольно противоречивое впечатление. С одной стороны, действительно, было многое сделано для решения выставочной проблемы в более удовлетворительном, по сравнению с прежним, виде. С другой стороны, разделение фондов и перевод их в Далем²⁷ сделали практически невозможным научное их использование. До сих пор — после Берлина и, главным образом, после Парижа — я еще полон впечатлений от их выставки. Я был в здешнем Музее Трокадеро²⁸, и мне стало дурно. Это не музей, а кладовая [Rumpelkammer]. Ваш Музей — без комплиментов — это научно-художественное свершение, о котором можно и нужно спорить, которое, конечно же, станет для нас значительным шагом вперед. Я очень надеюсь, что у меня будет возможность в сентябре изучить Вашу выставку еще более обстоятельно.

Здесь моя работа делится на две части. По утрам с 8 до 12 я занимаюсь тамильским и малаялам с одним брахманом из касты брахманов Mahratta²⁹ — правнуком знаменитого Madhan Rao³⁰,

²⁷ Далем (Dahlem) — деревня, включенная в состав Большого Берлина в 1920 г. Район на юго-западе Берлина в составе административного округа Штеглиц-Целендорф. Там находятся Свободный университет Берлина, Музейный центр (в то числе Этнографический и Азиатский музей).

²⁸ Musée d'Éthnographie du Trocadéro — первый этнографический музей Парижа. В 1878–1935 гг. размещался в непригодном для музейных целей дворце Трокадеро. Директор (с 1928 г.) Поль Риве (Paul Rivet, 1876–1958) реформировал музей. Обновленный Musée de l'Homme (Музей человека) открылся в 1937 г. в новом здании дворца Шайо (Palais de Chaillot) в XVI округе Парижа. С 2006 г. этнографические коллекции аккумулированы в новом комплексе Musée du quai Branly — Jacques Chiraque (Музей на набережной Бранли) в VII округе Парижа по адресу Quai Branly, 37.

²⁹ Старое название маратхов.

³⁰ Raja Sir Tanjore Madhava Row (1828–1891), или Madhava Rao Thanjavurkar — администратор, политик, важный правительственный чиновник в Индии. Племянник дивана Траванкора Т. Venkata Rao. Диван Траванкора в 1857–1872 гг., Индора — в 1873–1875 гг., Бароды — в 1875–1882 гг.

*Dewan*³¹ из Траванкора и Бароды. Он владеет тамильским, малайялам и маратхи и очень славный малый. М.А.³² Эдинбургского университета, изучает тут у Мосса³³ этнологию. Вы видите, что в этом отношении мне повезло. В августе мы вместе с ним поедем на юг, на Ривьеру. Это звучит немного странно, в частности потому, что месяц я проведу в своего рода ашраме³⁴ для всякого рода чудаков [cranks] (пацифистов, теософов, людей не от мира сего [Weltbeglückter] и т.п.). Но, во-первых, врач мне посоветовал морской воздух; во-вторых, этим летом было совсем не жарко, и, в-третьих, и это главное, — все удовольствие стоит мне 600 франков в месяц с полным пансионом (100 марок). К тому же люди живут здесь по принципу “ахимсы”³⁵. Место пребывания — под Ниццей. Я уеду туда, вероятно, 29-го сего месяца.

Я очень рад еще раз увидеться с Вами в Мюнхене и хотел бы по приезде обсудить один, очень важный для меня вопрос. Не мог бы я при Вашем содействии получить от университета приглашение следующим летом прочесть эпизодический курс лекций об индийском народном театре или дравидийской этнографии в связи с проблемой дравидийского языкознания (примерно 6–12 часов)? Подобные курсы читаются сейчас приезжими учеными во многих университетах. Гонорар — дело второстепенное. Для

³¹ Dewan, diwan (перс.) — влиятельный правительственный чиновник, министр, руководитель; высшее должностное лицо в суде после правителя.

³² М.А., Magister Artium (лат.), Master of Arts (англ.) — магистр искусств. В Шотландии — первая степень магистранта, присуждавшаяся студенту без послевузовской экспертизы и курсовых работ.

³³ Мосс Марсель (Marcel Mauss, 1872–1950) — французский этнограф. Племянник и последователь Э. Дюркгейма. Заведовал кафедрой истории религий «нецивилизованных народов» Практической школы высших исследований (с 1901). Один из основателей l'Institut Français de Sociologie (1924) и l'Institut d'Ethnologie (1926).

³⁴ Ашрам — обитель мудрецов и отшельников в Древней Индии.

³⁵ Ahimsā (санскр.) — поведение, образ действий, главным требованием к которому является непричинение вреда всему живому, насилие.

меня это важно, вновь выехать следующим летом, и Ваши студенты, надеюсь, при этом ничего не потеряют. Пожалуйста, обдумайте мое предложение. А пока прошу Вас передать наилучшие пожелания Вашей уважаемой супруге от меня и от моей жены, остаюсь

Сердечно Ваш А. Мерварт»

На это Л. Шерман 25 июля 1927 г. ответил:

«Дорогой коллега!

Только что, в начале недели меня порадовало Ваше письмо с великолепной статьей из "[ournal] A[siatique]". Я собрался было подождать с ответом, пока не просмотрю статью, но приведенная Вами дата отъезда вынуждает меня спешить, и помимо этого я вижу с первого взгляда, что Ваши рассуждения [Ausführungen] о южноиндийском театре открывают европейскому читателю в высшей степени важный материал. Я охотно воспользуюсь случаем, чтобы уведомить о Вашей работе в подходящем месте.

Я вижу, что применительно к некоторым иллюстрациям даются ссылки на петербургские коллекции. Нет ли у Вас сейчас под рукой полезных связей для того, чтобы поручить сведущим людям собирать для наших обоих учреждений маски, костюмы и т.п., используемые в различных южноиндийских представлениях? Уже давно под впечатлением труда Thurston³⁶ я думаю об этой задаче, но мне так и не удалось собраться с силами, чтобы приступить к ее выполнению. У Вас же, как мне кажется, — судя по тому, что Вы пишете о нынешнем Вашем товарище по учеению³⁷, — не должно быть затруднений на этот счет. И это позволяет мне надеяться, что выполнение данной задачи возможно.

³⁶ Тёрстон Эдгар (Edgar Thurston, 1855–1935) — автор ряда фундаментальных работ о народах Южной Индии. Участник (с 1901 г.) проекта «Этнографический обзор Индии», а рамках которого опубликовал «Касты и племена Южной Индии» в 7 томах (1909).

³⁷ Магистр Эдинбургского университета Рагхунатха Рао, который учил А.М. Мерварта тамильским языкам.

Впрочем, если не ошибаюсь, этот вопрос мы с Вами уже обсуждали лично.

Ваше предложение, организовать у нас летом 1928 года цикл лекций, следует обсудить в частной беседе, и, получив Ваш положительный ответ, я радуюсь в предвкушении того, что в сентябре эта возможность осуществится. Только еще раз прошу Вас как можно раньше сообщить мне, каковы Ваши планы, для того чтобы я тоже к ним приспособился и мы с Вами здесь не разминулись. Мне бы хотелось уже сейчас хотя бы в общих чертах знать об этом, поскольку я пока еще точно не решил, как распоряджусь своим отпуском, и т.д. Ну а то, что весь август я буду находиться в районе баварско-австрийской границы, т.е. совсем недалеко от Мюнхена, Вы уже знаете.

На сегодня все. Сердечный привет от нас Вашей семье. Напишите поскорее пару строк из Вашего ниццаского Эльдорадо [aus Ihrem Nizzaer Dorado].

Преданный Вам Л. Шерман».

Предполагаемые даты приезда А.М. Мерварт сообщил 29 июля 1927 г. Л. Шерману Открытым письмом из Парижа.

«Дорогой господин профессор!

Большое спасибо за Ваше письмо. Сегодня посылаю Вам экземпляр своего путеводителя по моему индийскому отделу в Петербурге. Книга задумана как введение в культуру современной Индии, причем соответствующий номер иллюстрирующего [текст] музейного предмета приведен на полях [страницы]. Мой адрес на ближайшие 4 недели: chez M. Chochon, Domaine l'Etoile, Pessicart, Nice (Alpes Maritimes).

24 августа я буду в Брухзале и останусь там — отлучаясь на короткое время во Франкфурт, Штутгарт и Карлсруэ — до тех пор, пока не узнаю о Вашем возвращении в Мюнхен. В Мюнхене я бы с удовольствием остался дней на 10–14 и был бы Вам очень признателен, если бы Вы смогли подыскать для меня дешевый пансион. Сердечный привет Вашим близким от нас А. Мерварт».

Два летних месяца А.М. Мерварт занимался тамильским и малаяльским языками с уроженцем Танджавура (Танжор) Раг-

хунатхом Рао. «*Mr. Raghunatha Rao, получивший высшее европейское образование, оказался не только превосходным сотрудником при занятиях, но в то же время заинтересовался серьезно индийской этнографией, тем более что он по специальности — социолог. Он дал А.М. Мерварту много ценных сведений относительно жизни современной Индии, а также обязался, через своих друзей в Южной Индии, составить ряд очень нужных для нас коллекций*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 39–41]. Рагхунатх Рао был членом общества “*Servants of India Society*” («Слуги Индии»), базирующегося на идеях Махадева Говинда Ранаде (Mahadev Govind Ranade, 1841–1901). Целью общества, основанного в 1905 г. Гопалом Кришной Гокхале (Gopal Krishna Gokhale, 1866–1915), было объединить индийцев, которые пожизненно служили бы Индии, способствуя просвещению и защите национальных интересов всех ее народов, независимо от происхождения и вероисповедания. Рагхунатх Рао жил в Женеве [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 78]. В Ле-Марелье³⁸ он познакомил А.М. Мерварта со своим тестем — французским священником, на чьей ферме близ Ниццы они и провели около четырех недель, соединив занятия с отдыхом [Там же. Л. 128–130]; познакомился он и с владельцем фермы по фамилии Шошон [Там же. Л. 300 об. — 301].

В сентябре А.М. Мерварт вернулся в Германию. 13 сентября 1927 г. Л. Шерман подписал рекомендательное письмо в Генеральную дирекцию Баварской государственной библиотеки в Мюнхене: «*Настоятельно рекомендую господина др. А. Мерварта, заведующего отделом в Музее этнографии в Санкт-Петербурге (Ленинграде)*».

Итоги переговоров между музеями отразились в составленном 24 сентября 1927 г. и подписанном А.М. Мервартом документе.

³⁸ Les Mareliers — местность в коммуне Баржоль (Barjols) на юго-востоке Франции в регионе Прованс — Альпы — Лазурный берег, департамент Вар.

«Переговоры между господином тайным советником профессором д-ром Л. Шерманом, директором Музея народоведения в Мюнхене, и профессором д-ром А. Мервартом, Этнографический музей Академии наук, Ленинград, относительно обмена коллекционными предметами.

1) Общие приобретения во внеевропейских странах.

а) Письмо Рагхунатху Рао, Траванкор, в настоящее время в Марселе, от 16 сентября 1927 г. по поводу южноиндийских масок.

б) Письмо г-на д-ра Мерварта ему же по поводу пополнения [коллекции] типов индийских богов с особым указанием на малоизвестные местные божества, главным образом неарийского характера.

с) После консультаций господина Мерварта с его учреждением наш музей, по возможности, будет рекомендовать др. Кюстеру систематически собирать *in Dublo*³⁹ для Ленинграда и Мюнхена определенные части африканских коллекций; взамен Ленинград на такой же систематической основе будет прилагать старания для пополнения мюнхенских коллекций в основном из области сибирских и центрально-азиатских племен.

2) Помимо этих по большей части цельных коллекций обеими сторонами предполагается осуществлять взаимный обмен либо передачу отдельных предметов. Расчеты должны производиться или в порядке обмена вещами, или наличными деньгами. Оценка должна быть умеренной и существенно ниже коммерческой.

3) Списки по обмену должны содержать достаточное количество разъяснений, по возможности дополняться зарисовками или фотографиями.

4) В Ленинграде для возможного пополнения предусматриваются прежде всего: отдельные предметы или коллекции по сибирским племенам (предварительно послать наши списки по гольдам,

³⁹ *in duplo* (в оригинале “*in Dublo*” — вероятно, описка) — от лат. *duplo*: вдвое, вдвойне. Здесь и далее речь идет о том, что оба музея (мюнхенский и ленинградский) будут параллельно собирать предметы в двух экземплярах (дублеты) — для себя и для музея — партнера по обмену.

тунгусам, айнам и самоедам!). В Мюнхене особенно приветствуются дублеты древностей из китайского Туркестана, а также скифская и сарматская бронза из археологических раскопок.

5) Мюнхен, со своей стороны, мог бы предложить:

древности из Перу (гончарство и ткачество), Коста-Рики и Гватемалы;

мелкую пластику из древней Мексики;

отдельные золотые вещи из древней Центральной Америки;

отдельные предметы современного ткачества из этих же областей.

Возможно, также отдельные серебряные украшения арауканов (Чили).

Из Африки некоторые предметы из бывших немецких колоний, а также из южной части Тихого океана (немецкая Новая Гвинея и река Императрицы Августы) и с австралийского материка (каменные чуринги [Seelensteine⁴⁰] и т.д.)

Из Азии могут рассматриваться:

бронзовый барабан (Индокитай) [Hinterindien];

сиамская каменная пластика (Будда на троне под змеиными головами) и угловые фигуры-стражи ворот;

старинные серебряные нечеканные монеты [ungeprägtes Silbergeld] из Сиама;

женская юбка с узором (качины) и отдельные предметы из Сиама, Бирмы и Ассама, которые еще надлежит подобрать.

6) При обмене фотографиями, который также желателен, действуют принятые между музеями договоренности. <Подпись А.> Мерварт».

Восьмого октября 1927 г. Мерварты вернулись в Россию, полные оптимистических надежд на сотрудничество МАЭ с зарубежными этнографическими музеями. Приведем текст отчета А.М. Мерварта о его командировке 1927 г.

«Ученый хранитель МАЭ А.М. Мерварт был командирован сроком с 1 июня по 8 октября 1927 г. во Францию и Германию со следую-

⁴⁰ Seelensteine (нем.) — букв. «камни душ».

щими заданиями: во-первых, требовалось установить или скорее возобновить систематический обмен коллекциями с рядом заграничных этнографических музеев, в частности, с Мюнхенским *Museum für Völkerkunde*, во-вторых, было желательно подробно изучить музейную технику, сделавшую как раз за последние годы большой шаг вперед, особенно в Мюнхене и Берлине. Одновременно с выполнением этих чисто музейных заданий он предполагал также использовать пребывание за границей для практики в тамильской разговорной речи и для ознакомления с новейшей литературой по этнографии и истории Индии. Принимая во внимание интенсивное развитие музейного дела в Германии, где благодаря децентрализации культуры имеется большое число крупных этнографических музеев, соперничающих друг с другом, а также ввиду дружественных отношений между нами и Германией, облегчающих технику обмена, он останавливался преимущественно на германских этнографических музеях и с некоторыми из них выработал предварительно принципы обмена научными коллекциями. Нужно при этом отметить, что в этом отношении он встретил у целого ряда германских музеев полную готовность сотрудничать с нами.

Из переговоров с руководителями музеев выяснилось, что вопрос об обмене коллекциями нужно взять шире и по возможности координировать между собой собирательные экспедиции нашего музея и некоторых германских музеев, и стремиться к тому, чтобы в каждом отдельном случае, когда это окажется возможным, отправляемые в разные страны экспедиции собирали и дублиеты для заинтересованного другого музея. Дело в том, что германские музеи пополняют свой состав как раз по тем областям, которые у нас представлены сравнительно бедно (Африка, Америка, Океания, Австралия) и которые для нас менее легко доступны. В то же время у нас ведется интенсивная собирательская работа по Сибири и Средней Азии, которые в большинстве германских музеев представлены чрезвычайно бедно. С Мюнхенским музеем пока удалось достигнуть принципиального соглашения. В настоящее время предусматривается возможность использовать пребывание в Восточной Африке командированного туда сотрудника

Мюнхенского музея *Dr. Küsters* для собрания коллекций для нашего музея. Но и существующий состав, как МАЭ, так и заграничных музеев, позволяет до известной степени устранить ту односторонность, которая является недостатком всех музеев. В этом отношении переговоры с руководителями отдельных музеев дали конкретные результаты, требующие ещё, конечно, санкции как Академии Наук, так и тех инстанций, которым подчинены отдельные германские музеи. А.М. Мерварт посетил и изучил *Museum für Völkerkunde* в Берлине, где пробыл 11 дней, в Мюнхене, *Штутгарте*, *Лейпциге*, *Кёльне*, *Карлсруэ*, *Deutsches Museum* в Мюнхене и ряд краеведческих музеев. Особо он остановился на Мюнхенском музее, который был недавно переведен в новое здание (бывший *Nationalmuseum*), и считающегося по справедливости наиболее художественно и интересно выставленным музеем в Германии. При выставлении и организации этого музея было поднято и решено много технических вопросов, имеющих глубокое значение для всех музейных деятелей, так что А.М. Мерварт счел своим долгом посвятить подробному изучению этого музея продолжительное время — 15 дней, причем одновременно с этим он проработал имеющуюся в музейной библиотеке литературу по музееведению. Два месяца — июль и август — А.М. Мерварт провел во Франции, главным образом в Париже. Там кроме посещения музеев — *Trocadéro*, *Guimet*, *Louvre*, *Cluny* и работы в библиотеках — *Bibliothèque Nationale*, *École Nationale des Langues Vivantes Orientales*, он занимался тамильским и малайяльским языками с *Mr. Raghunatha Rao*, уроженцем Танжора (Южная Индия), владеющим в совершенстве тамильским, малайяльским и мараттским языками. Получивший высшее европейское образование, оказался не только превосходным сотрудником при занятиях, но в то же время заинтересовался серьезно индийской этнографией, тем более, что он по специальности — социолог. Он дал А.М. Мерварту много ценных сведений относительно жизни современной Индии, а также обязался, через своих друзей в Южной Индии, составить ряд очень нужных для нас коллекций. В частности, А.М. Мерварт поручил ему собирать все доступные изображения народных бо-

жеств Южной Индии, так называемых *Gramadevatas*⁴¹. Кроме этого, он взялся пополнить через своих корреспондентов наши собрания театральных и танцевальных масок, причем согласился исполнить эту работу на самых удобных для МАЭ условиях.

В интересах дальнейшего развития изучения и преподавания в Ленинграде дравидийских языков, А.М. Мерварт побывал в Берлине в *Lautabteilung der Staatsbibliothek*, где имеется обширное собрание фонографических пластинок, составленных немецкими учеными во время войны с использованием военнопленных, находившихся в германских лагерях, и пополняемое до сих пор. Имеется 6 пластинок, наговоренных тамилами. Временно заведующий любезно согласился предоставить Академии Наук эти пластинки по цене 5 марок за пластинку. Кроме того А.М. Мерварт вел переговоры с фирмой *Schelter u. Giesecke* о заказе тамильского шрифта и послал соответствующее предложение в Президиум Академии Наук.

Во время пребывания в Берлине А.М. Мервартом был прочитан доклад об индийском народном театре в *Theater wissenschaftliches Institut* при Берлинском Университете. На докладе присутствовали ряд профессоров Берлинского Университета, слушатели Института, директора берлинских театров и другие специалисты по театроведению» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 39–41].

Перспективы сотрудничества с мюнхенским Музеем народо-ведения серьезно обсуждались в МАЭ, как следует из письма А. Мерварта Л. Шерману 5 ноября 1927 г., хранящемуся в мюнхенском Музее пяти континентов.

«Многоуважаемый господин профессор!

Оно придет с опозданием, но все-таки оно придет, это письмо, которое давно уже не даёт мне покоя. Задержка объясняется тем, что я сначала хотел понять, как отнесутся к предложениям по обмену коллеги по музею и начальство, т. е. персонал второго отделения Академии. С этой целью я составил подробную

⁴¹ *Gramadevata* (санскрит.) — деревенское божество, покровитель деревни.

докладную записку, изложив в ней в основных чертах ход систематического обмена и собирательской работы, а также конкретные предложения по обмену, в отношении которых мы в свое время пришли с Вами к соглашению. В настоящий момент я, пожалуй, могу сказать, что мысль упала на плодородную почву и, в принципе, относительно наших идей не было высказано никаких сомнений. В ближайшие дни Вы, должно быть, получите официальное письмо нашей Академии по этому поводу.

Теперь к практическим вопросам. В ходе наших обсуждений Вы заявили о своей готовности поручить др. Кюстерсу собирать *in Dublo*⁴² некоторые коллекции из района, где он непосредственно работает, с тем, чтобы впоследствии предоставить данные коллекции в распоряжение нашего Музея, конечно, за соответствующие услуги. Я поднял этот вопрос как на заседании заведующих отделами, так и во время обсуждений с некоторыми заинтересованными господами, и сейчас излагаю Вам следующие результаты:

1) Нашему африканскому отделу из области сборов доктора Кюстерса нужны северные зулусские племена.

а) Все предметы, относящиеся к скотоводству и земледелию.

б) По возможности полная коллекция предметов домашнего обихода.

с) Предметы, используемые для обработки кожи.

д) Предметы культа, особенно относящиеся к магии.

е) Из одежды: мужская одежда. Оружие не нужно, т.к. в наших старых фондах его более чем достаточно.

2) Мы можем Вам предложить снабдить мюнхенский Музей коллекциями *in Dublo*, которые планируется собрать у ряда кочевнических восточно-иранских племен в течение этого года — частично уже зимой⁴³.

⁴² *in Dublo* — см. ссылку к документу от 24 сентября 1927 г.

⁴³ Исследования среди кочевых и полукочевых иранских племен, населявших пограничные с Афганистаном районы Туркмении (белуджей, джемшидов, хазарейцев и др.), проводились в 1927–1929 гг. участниками этнологической секции Среднеазиатской этнологической экспеди-

Заведующий отделом Средней и Передней Азии г-н Зарубин⁴⁴, сам шесть раз работавший в Восточном Иране и в настоящее время являющийся, пожалуй, самым лучшим знатоком языка и этнографии этого района, пообещал мне составить дублетные коллекции по следующим племенам: хазарейцы, джемшиды и белуджи. Насколько мне известно, коллекций из этого района у Вас нет. Коллекции эти представляют особенный интерес уже потому, что иллюстрируют стадии развития скотоводства. Я также Вас очень прошу написать мне любезно о Вашем решении по данным вопросам. На перспективу рассматриваются: алтайцы, остяки, коряки и др. сибирские племена, также туркмены и афганцы. Надеюсь, что идеи совместной работы нам удастся перевести с теоретического на практический уровень.

Благодарю Вас за приглашение на организационное собрание Общ[ества] др[узей] в[осточно]а[зиатского] и[скусства]⁴⁵, которое Вы мне прислали. Желаю Вам из нашего далека успехов во всем. Я был бы Вам очень признателен, если бы было возможно включить меня в список членов. Дайте мне знать, нужна ли Вам лите-

ции АН СССР (1926–1929). Фактическим руководителем этнологической секции был И.И. Зарубин. См.: [Прищепова 1995].

⁴⁴ Зарубин Иван Иванович (1887–1964) — ученый-иранист, основоположник научного памироведения. Сотрудничал с МАЭ с 1910 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 63. Л. 54], включен в штат в 1918 г., зав отделом мусульманских народов Средней Азии МАЭ [Там же. Ед. хр. 73. Л. 84]. Летом 1914 г. совершил первую научную экспедицию на Памир (совместно с французским иранистом Робертом Готью) и собрал большую коллекцию.

⁴⁵ В оригинале “Ges. d. Fr. O. A. K. [Gesellschaft der Freunde Ostasiatischer Kunst]”. Очевидно имеется в виду Общество друзей азиатского искусства и культуры (Gesellschaft/Verein Freunde Asiatischer Kunst und Kultur) — см. письмо Л. Шермана от 14 ноября 1927 г. Это общество было создано в Мюнхене в 1927 г. по инициативе Л. Шермана. Одновременно оно являлось местным подразделением основанного в 1926 г. берлинского Общества восточноазиатского искусства (Gesellschaft für Ostasiatische Kunst).

ратура по восточноазиатскому искусству; может быть, мой членский взнос я смог бы оплатить таким образом? Если Вам еще интересна моя идея относительно лекций в мае или июне 1928 года, то сейчас самое время облечь ее в форму приглашения.

В завершение еще раз хочу выразить искреннейшую благодарность за Ваши любезность и гостеприимство, которые Вы оказали мне во время моего пребывания в Германии. Самое яркое впечатление — а это работа в Вашем Музее — станет темой моего доклада 8-го декабря. На нем, кажется, будут присутствовать практически все музейные работники Ленинграда. Сердечный привет Вашей семье, а также всем дамам и господам Вашего музея.

Остаюсь неизменно преданный Вам А. Мерварт».

14 ноября 1927 г. последовал ответ Л. Шермана.

«Дорогой коллега!

Начну с того, чем Вы закончили Ваше любезное письмо (с почтовым штемпелем от 11 ноября): к этим строкам для служебного пользования прилагаю приглашение, которое, вероятно, соответствует Вашим пожеланиям.

Я рад, что Вы довольны впечатлениями, полученными в Мюнхене. Совершенно с Вами согласен, что правильная организация экспедиций, которые начинаются из Ленинграда и Мюнхена, принесёт обоим музеям много пользы. Я готов немедленно проверить это на деле, известив должным образом нашего др. Кюстерса, так что Ваш Музей в соответствии с Вашими предложениями может ожидать систематического прироста отдела Африки, наш мюнхенский Институт — новые группы пограничных индо-иранских племен.

Наряду с обменом такого рода, на мой взгляд, также следовало бы совершенно спокойно заниматься обсуждением передачи отдельных, имеющихся в излишке предметов; вопрос возмещения наличными или т.н. натуралиями в каждом отдельном случае уладить будет нетрудно. По поводу последнего сразу же хочу осведомиться: у Вас, по всей вероятности, имеется излишек предметов по гилеям; не могли бы Вы сообщить мне, по возможности, незамедлительно, пусть даже очень кратко, что из

этого может быть передано в Мюнхен и как Вы оцениваете данный материал.

На Ваш вопрос, можете ли Вы быть зачислены в члены недавно основанного Общества друзей азиатского искусства и культуры [Verein "Freunde Asiatischer Kunst und Kultur"], отвечаю, что согласно Вашему заявлению Вы были сразу же приняты. Вы удивитесь, узнав, что за короткий срок количество членов составило более 210. Есть две категории: за годовой взнос в размере 10 марок, кроме лекций и экскурсий, получают выходящие примерно раз в два месяца "Сообщения" берлинского Общества восточноазиатского искусства», за взнос в 20 марок — помимо того ещё и богато иллюстрированные годовые подарочные публикации [Jahresgaben] этого общества. В вышеназванном числе — 71 член с увеличенным годовым взносом. Итак, напишите мне, в какую категорию Вас нужно включить. Ваше предложение приравнять к членскому взносу посылку русской литературы по восточноазиатскому искусству вполне приемлемо; только, будьте добры, укажите количество названий этих публикаций.

Надеюсь очень скоро вновь получить от Вас известия. С сердечным приветом от всех нас остаюсь

Преданный Вам Л. Шерман».

*1 июня 1928 г. А.М. Мерварт написал Л. Шерману из Луги:
«Дорогой господин профессор!*

Мою корреспонденцию преследует злой рок; иначе я не могу объяснить тот факт, что Вы не получили мое письмо от 5 апреля. Я писал Вам тогда, что из моей поездки в Германию, вероятно, ничего не получится, т.к. оказалось, что фонды, выделенные на командировки, не столь велики, как нам это представлялось в последние годы. У меня, правда, была тогда еще какая-то надежда, что, может быть, тот или иной коллега в последний момент откажется от своей поездки, поэтому я и не давал окончательного ответа. По получении Вашего письма я еще раз попытался предпринять некоторые шаги в этом направлении, но, к сожалению, должен сообщить Вам об отрица-

тельном результате. При всем том у меня было, по крайней мере, приятное чувство, а именно, сознание Вашего дружеского участия в моей работе и сочувствия к моей персоне. Обещанные мною доклады, к сожалению, должны быть отложены до другого, более подходящего случая. Однако при нынешнем положении дел трудно сказать, когда это произойдет. Этой зимой я очень много работал. Совместно с тремя коллегами мы сдали в печать книгу о восточном театре (индийском, индонезийском, китайском и японском), издание и редакция которой выпали на мою долю (примерно 12 печатных листов с иллюстрациями). Затем сдал в печать тамильскую грамматику (10 печатных листов), которая по системе своей и ряду выводов значительно отличается от существовавших до сих пор. В Comtes Rendus⁴⁶ Академии я опубликовал статью (на английском)⁴⁷ о дравидийской системе согласных. На днях вышлю ее Вам. Как только оба упомянутых опуса будут изданы, позволю себе представить их Вам. Они, конечно, написаны на русском языке, но ведь в Мюнхене сейчас много людей, понимающих русский. На днях заключил с государственным издательством договор о работе по истории Индии, в которой прежде всего должно быть показано политическое развитие в его взаимосвязи с экономическим и социальным. Этой работой я буду занят в ближайшие месяцы вплоть до начала февраля. Зимой среди прочего сделал доклад о мюнхенском музее на открытом ежегодном заседании Радловского общества⁴⁸. Доклад и, в первую очередь, предмет его вызвал оживленную дискуссию. Мы, т.е. моя жена и я, получили заказ от главного руководства научными учреждениями, в ведении которого находятся также музеи (за исключением академических), на публикацию книги о наших наблюдениях в западноевропейских музеях. Этим мы будем заниматься осенью. Я очень

⁴⁶ Отчеты (франц.).

⁴⁷ [Meerwarth 1928].

⁴⁸ Радловский кружок, созданный при МАЭ в 1922 г. в память о В.В. Радлове, объединял ведущих этнографов и востоковедов.

интересуюсь работой, которую взялся сделать для Вашего музея Рагхунатх Рао. Что-нибудь получилось из этого? Чем занимается д-р Кюстерс? Не могли бы мы осенью обменяться нашими идеями конкретнее? Еще раз, простите меня за то, что не смог сдержать свое обещание, и до следующего раза. Сердечный привет супруге, д-ру Дирру и коллегам из музея.

Ваш Д-р. А. Мерварт».

На это письмо Л. Шерман ответил 16 июля 1928 г.

«Дорогой коллега!

Почтовая сторона нашей корреспонденции и мне не совсем понятна. На только что пришедшем письме стоит штампель 10 и 11 июля, Вы же приводите дату 1.VI. (наверное, описка?). На всякий случай, это письмо я посылаю заказным в адрес Вашего Музея. Надеюсь, что таким образом оно точно дойдет по назначению. Письмо от 5-го апреля, о котором Вы упоминаете, мне вовсе не было вручено; последнее известие, полученное нами, датировано 6-м декабря 1927 г., именно из-за этого длительного перерыва я и позволил себе послать Вам письмо с напоминанием.

Между тем для меня является большим утешением узнать, что Ваша научная работа так быстро продвигается вперед. За обещанные посылки с литературой я буду Вам очень благодарен, даже если русская версия текста, с нашей эгоистической точки зрения, оставляет желать лучшего; не следовало бы Вам привести в качестве приложения хотя бы краткое изложение текста на французском или английском, как это часто делают в России и Венгрии?

Планируемые нами мюнхенские доклады, следовательно, придется перенести на более подходящее время. Тем временем я, вероятно, узнаю и о том, как проходит у Вас дискуссия по музейным вопросам; хотелось бы знать, в чем заключаются возражения против реформ в нашем Музее, о которых Вы сообщали. Все мы, конечно же, склонны слышать скорее благожелательные, нежели неодобрительные суждения; во всяком случае могу констатировать, что одобрительные отзывы о нашем новом выставлении, устные и письменные, заметно множатся.

Доктора Кюстерса я жду через три месяца. Его письма очень содержательны и достоверны. Вы спрашиваете, могут ли осенью наши переговоры по обмену стать более конкретными, — в ответ могу лишь задать встречный вопрос: выяснили ли Вы за это время положение дел у Вас! Вы знаете, какие дезидераты⁴⁹ я поставил во главу угла, и прежде всего мне хотелось бы иметь основания надеяться, что нам будут предоставлены либо музейные материалы, либо новые экспедиционные поступления по заявленным ранее сибирским народам и т.д. В услугах с нашей стороны нехватки не будет, все равно, или в наличных деньгах, т. е. в расходах на экспедиционные работы, или в форме передачи из наших музейных фондов. Именно потому, что в настоящее время количество поступающих нам весьма привлекательных предложений по обмену необычайно увеличивается, для меня было бы очень важно узнать от Вас, готовиться ли мне к переговорам с Россией и каким образом.

*На сегодня все. Надеюсь, что наша переписка теперь вновь войдет в свою колею. С наилучшими пожеланиями от всех нас
Ваш Л. Шерман».*

Пятого ноября 1928 г. к Л. Шерману обратился А.В. Шмидт⁵⁰, зав. отделом Африки в МАЭ.

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Некоторое время тому назад д-р А. Мерварт сообщил мне о том, что в Вашем музее ожидается поступление новых коллекций из Африки, часть которых будет использоваться для обмена с другими музеями.

Для меня как заведующего отделом Африки Музея антропологии и этнографии чрезвычайный интерес представляет любая возможность заполнения лакун в наших коллекциях. Поэтому позволю себе обратиться к Вам с огромной просьбой оказать мне

⁴⁹ Дезидерат (лат. desiderata — «желаемое») — предметы, необходимые для пополнения коллекции, библиотеки и т.п.

⁵⁰ Шмидт Алексей Викторович (1884–1935) — археолог, зав. отделом Африки в МАЭ, работал в МАЭ с 1924 по 1935 г.

любезность и уведомить меня о том, какие предметы из Вашего собрания Вы могли бы нам передать. Со своей стороны мы могли бы предложить Вам ряд предметов из Абиссинии и соседних нилотских и нилото-хамитских областей, собранных по большей части г-ном Леонтьевым в 1897 г.

Если Вы сочтете наши африканские коллекции малоинтересными, то тогда мы могли бы подобрать для Вас ряд предметов по сибирским народам, в частности из районов Алтая, реки Амур и, возможно, также из Центральной Азии.

Нам бы очень хотелось, уважаемый господин профессор, получить известие о Ваших дальнейших намерениях, а также о том, что могло бы быть желательным для Вас. С совершенным почтением

Преданный Вам А. Шмидт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 6. Л. 56].

К сожалению, обмен коллекциями между этнографическими музеями Мюнхена и Ленинграда не осуществился.

Вторую половину командировки супруги Мерварт провели врозь: Александр Михайлович задержался во Франции, а Людмила Александровна отправилась работать в Нидерландах.

В Германии она ознакомилась с состоянием музейно-экспозиционного дела в Берлине и Лейпциге [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 233, 236 об.]. Во Франции посетила парижские музеи Trocadéro и Guimet, а также музей Académie de la Val d'Isère (Академии Долины Изер) в Мустье. В Нидерландах тщательно изучила опыт музеев в Амстердаме, Роттердаме, Лейдене, а также Музея под открытым небом (Openlucht Museum) в Арнеме. Библиографию по малаистике и музееведению она составляла по материалам берлинских библиотек — Государственной и библиотеки при Museum für Völkerkunde, парижских — Bibliothèque Nationale (Национальная библиотека) и библиотеки ENLVO, а также библиотек Лейденского университета и Национального Музея народоведения.

О своих наблюдениях она докладывала 30 июня 1927 г. директору МАЭ академику Е.Ф. Карскому.

«Глубокоуважаемый Ефим Федорович,

Приехав в Париж, посылаю Вам отчет о своей деятельности в Германии. В Берлине можно было ознакомиться с новым выставлением этнографического музея; характерной особенностью его является резкое деление на выставочные коллекции, размещенные в самом Берлине (Königgrätzerstr, 120) и магазины, находящиеся в Dahlem'e, пригороде Берлина. Неудобства подобного разобщения заметны, конечно, не только нам, приезжим, но в еще большей мере страдают от него работники Берлинского Музея. Ведь от Музея в Магазин более часа езды по железной дороге! И Директор Отдела Дальнего Востока Müller⁵¹, и Stöpper⁵², зав. Отделом Индии и Индонезии, оба говорили мне, что работа научной обработки коллекций неизбежно остановилась после нового выставления. Выставочное помещение осталось прежнее — Museum für Völkerkunde, но выставлено 1/6–1/10 числа прежних экспонатов, остальное в магазине. Выставление в гораздо большей степени, чем у нас, открытое, но, с одной стороны, посещаемость этого музея во много раз ниже, чем у нас. (Музей открыт ежедневно, кроме вторников, но за год в нем перебивает народу в сотнях то, что у нас в тысячах. Это объясняется, прежде всего, отсутствием экскурсий.)

С другой стороны, и у них случаются уже покражи более мелких предметов. Отделы Индии и Индонезии собственно не выставлены ещё. Они будут выставляться вероятно через год в 3-м этаже. В бельэтаже выставлены статуи, барельефы и пред-

⁵¹ Мюллер Фридрих Вильгельм Карл (Friedrich Wilhelm Karl Müller, 1863–1930) — профессор, немецкий лингвист, востоковед. Сотрудник (1887–1928), директор Восточноазиатского отдела берлинского Museum für Völkerkunde. Участник первой немецкой экспедиции в Турфан (1901). С 1928 г. — член-корреспондент АН СССР.

⁵² Штённер Генрих (Dr. Heinrich Stöpper, 1872–1931) — индолог, директор Индийско-Азиатского отдела берлинского Museum für Völkerkunde. Материалы Турфанских экспедиций хранились в Индийском отделе музея народоведения, в 1926 г. манускрипты были переданы в Прусскую Академию наук.

меты исторической археологии Индии, Индо-Китая и Индонезии, Китая и Японии, которые Stöpper называет отделом религии этих стран. 2-й этаж занят великолепными коллекциями Америки, Океании и Африки, а в 3-м будут опять Индия, Индонезия, etc., т.е. их этнографические отделы. Это, конечно, нарушает цельность впечатления. Кроме того, для выставления выбраны сплошь самые нарядные вещи, и жизнь рядового туземца таким образом принимает очень великолепный и неправильный оттенок. Очень интересна система охранения предметов от порчи молью, насекомыми и т.д. Ею заведует во всех Отделах не хранитель, а специалист, профессор химии Radtkop со своими помощниками. От моли употребляется Globol⁵³, и они считают его совершенно верным средством. Что касается обмена, то хотя принципиально на него в Берлине и согласны, но беда в том, что каждый отдел совершенно самостоятелен и подчиняется непосредственно Центральному Управлению Музеями. Ни Директора, ни хотя бы Совета, как у нас, в Берлинском Музее нет. Если к этому прибавить, что между заведующими Отделами отношения не очень теплые, то получается картина неслаженности, отсутствия связи между отделами. Это чрезвычайно затрудняет обмен, ибо Отдел, скажем, Индии не захочет ничего давать в обмен на, к примеру, предметы сибирского быта; это для, не связанного с сибирским, индийского отдела значит только давать, ничего не получая в обмен. Одним словом, без директора Музей быть не должен.

Магазин еще совершенно не разобран, там работает Dr. Meinhardt, молодой малаист, и с ним я условилась, что если он к будущему лету, как он думает, закончит магазинирование и прежде всего учет имеющегося материала, то, может быть, можно будет выделить дублетные коллекции, которые мы всё же могли бы приобрести, если не в обмен, то покупкой. Магазинование производится в грандиозном здании, в стеклянных шкафах и так свободно, что часто могло бы сойти за выставление.

⁵³ “Globol” — немецкий инсектицид.

В Музее имеются редчайшие собрания сделанных Stöpper'ом отливок с барельефов Angkor Vat'a, индуистского древнего храма в Камбодже. Он предлагает нам копии многих из них и обещал выяснить точно цену.

Кроме *Museum für Völkerkunde*, о котором я писала до сих пор, я была в Берлине в Музее немецкой этнографии, *Sammlungen für die Deutsche Volkskunde*. Директор этого музея, *Reg. Rat*⁵⁴ *Dr. Brunner*⁵⁵, тоже согласен на обмен с нашим Музеем. Это может быть специально интересно для Дмитрия Константиновича Зеленина. Я с ним уже говорила об этой возможности расширения нашего европейского отдела из “набора русского материала для обмена”, как он его называет, в настоящий отдел Этнографии европейских народов. Такой отдел в нашем Музее мировой культуры, разумеется, очень необходим. Иначе получается у посетителя совершенно ложное впечатление, что в создании человеческой культуры участвовали негры, австралийцы, малайцы, индейцы, кто угодно, только не европейцы, не белые люди.

Так вот, *Dr. Brunner* предлагает коллекции одежды, ремесел (ткачество, горшечничество и т.д.), домашней утвари, волшебства (заговоры, заклинания), религиозные верования (вотивные приношения, образа), способов добывания и хранения огня (чрезвычайно интересная коллекция) и др. в обмен на коллекции этнографического характера немецких колоний в России. Подобные коллекции мы, конечно, могли бы собрать, и Дмитрий Константинович, разумеется, сам Вам лучшие моего скажет, как это сделать. Будет ли он собирать сам, через своих студентов, или ис-

⁵⁴ *Reg. Rat* (сокр.), *Regierungsrat* (нем.) — регирунгсрат (старший государственный советник). В Германии — государственный служащий в высшей федеральной или провинциальной администрации.

⁵⁵ Бруннер Карл (Karl Brunner, 1863–1938) — советник, хранитель Королевского собрания по немецкой этнографии (*Die königliche Sammlung für deutsche Volkskunde zu Berlin*) Отдела пре- и ранней истории (*Abteilung Vor- und Frühgeschichte*). В 1929 г. выделен в отдельный музей.

пользует Музей Немецкой Республики, т.е. проф. Дингеса⁵⁶, это уже ему виднее. Я позволю себе ещё только указать некоторые особенно интересные и, мне кажется, важные для нас коллекции этого Музея, как игрушки, обычаи и предметы, связанные со свадьбой, украшения, кустарные производства. Эти отделы представляют интерес не только для европейского отдела, но я вообще для типологии культуры. Между прочим, целый зал этого Музея посвящен моделям различных типов немецких жилищ.

Теперь несколько слов еще о Лейпцигском Этнографическом Музее⁵⁷. Как Вам пишет Александр Михайлович, он только строится или, вернее, перестраивается из старого иоаннитского госпиталя. Коллекции в ящиках, и видеть их не будет возможности. Этот Музей великолепно разрешил вопрос о магазинировании. Коллекции будут выставлены в длинных, невысоких залах с окнами с обеих сторон, как, например, в моем индонезийском зале. Во всю длину залы разделены идущей по середине перегородкой, причем левая сторона предназначается под магазины, а правая — под выставочные коллекции. Таким образом, 1) наличие публики в Музее не мешает работе в Магазинах (как у нас), 2) магазины совершенно близко от своей выставки, 3) помещение, отведенное под магазин, достаточно велико, чтобы не напихивать магазинные шкафы предметами до отказа, а складывать коллекции в них так, чтобы можно было через стеклянную дверцу магазина обозреть всё в нем находящееся — идеальные условия магазина — рабочего собрания. Во главе этого Музея в настоящее время стоит Prof. Krause⁵⁸. Я с ним, а также с заведующим отделом Азии

⁵⁶ Дингес Георгий Генрихович (1891–1932) — профессор кафедры западноевропейских языков и литературы Саратовского университета (с 1923 г.). Основатель Центрального музея АССР немцев Поволжья в г. Энгельсе.

⁵⁷ Museum für Völkerkunde zu Leipzig (1869). В 1925–1929 гг. для него было построено новое здание музея Грасси на Johannisplatz, куда музей переехал в 1927 г.

⁵⁸ Краузе Фриц (Prof. Fritz Krause, 1881–1963) — директор (с 1927) Museum für Völkerkunde zu Leipzig.

*Dr. Erkes*⁵⁹ и с заведующим отделом Океании *Dr. Plischke*⁶⁰ <...> я познакомилась, и в отношении обмена мы с ними пришли к следующему заключению. В будущем году Музей этот будет, вероятно, уже выставлен. Выбирая предметы к выставлению, они будут иметь в виду желательность обмена с нами и чрезвычайно этим обменом дорожат. Они желают от нас коллекций по следующим отделам: Сибирский (кроме тунгусов, гиляков, орочей, лапландцев), Волжские финны, тюрки, татары, Индия и Молукки. Нам они предлагают коллекции по Австралии, Меланезии и Микронезии, по Яве, Суматре, по Африке (Сомали, Galla⁶¹, Немецкая Восточная Африка, Камерун, Того) и Лапландии и, наконец, чрезвычайно большие и прекрасно подобранные коллекции по этнографии европейских народностей (это опять относится к Дмитрию Константиновичу Зеленину), а именно по Тиролю (коллекция исключительной ценности), по южным славянам и по современной культуре Ирландии, главным образом, островов по Атлантическому побережью Ирландии. Эти коллекции являются результатом того убеждения, к которому пришли немецкие этнографы, в особенности на последнем съезде немецких географов в Карлсруэ в начале июня этого года, что необходимо для понимания истории культуры как Европы, так и всего остального мира, обратить серьезнейшее внимание на собирание европейской этнографии.

Я не пишу отдельно Совету Музея в надежде, что Вы прочитаете ему из этого отчета то, что сочтете интересным,

⁵⁹ Эркес Август Эдуард (August Eduard Erkes, 1891–1958) — немецкий синолог, этнолог, сотрудник (с 1913), директор (1921–1933, с 1945) Азиатского отдела лейпцигского Музея народоведения.

⁶⁰ Плишке Ханс Герман Иосиф (Hans Hermann Joseph Plischke, 1890–1972) — немецкий этнолог, директор (1934–1959) Institut für Völkerkunde, Göttingen. Работал в лейпцигском Музее народоведения с 1914 г. Профессор Лейпцигского университета, близок к Notgemeinschaft der Deutscher Gelehrter. Соученик по университету Б.Ф. Адлера [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 317].

⁶¹ Оромо (*Oromo*, амхар. — «бродячие искатели земли») — народ в Эфиопии и на севере Кении.

и очень прошу прочесть то, что я пишу об европейском отделе. Prof. Krause сам собирает его в Лейпциге и очень хочет работать в контакте с нами, что значит, собирать и для нас. И в Лейпциге, и в Берлине я побываю ещё раз до возвращения в Россию.

Теперь мне, конечно, надо было бы уже быть в Лейдене и работать как в Лейденском музее, так и с каким-нибудь малайцем, но, несмотря на письмо van Wijk'a⁶² о том, что моя виза будет меня ждать в Берлине, её в Берлине не оказалось. Я из Берлина через голландское консульство подняла хлопоты о визе, но не последовало никакого ответа до 24-го, тогда я, получив от голландского консула обещание переслать мне визу в Париж, сама приехала сюда же. Здесь визы всё ещё не было, и я опять начала хлопотать о ней в здешнем консульстве. Еще раз написала van Wijk'у, Juunboll'ю⁶³, Snouk'у Hurgronje⁶⁴ и теперь сижу в Париже, изучаю здесь музеи (Trocadéro, Guimet) и жду визы. Между прочим, Игнатий Юлианович Крачковский обещал мне написать обо мне Juunboll'ю, директору Лейденского музея, van Ronkel'ю⁶⁵, профессору Snouk'у Hurgronje, крупнейшему малайсту Голландии, но я не знаю, сделал ли он это.

Надеюсь всё-таки скоро уж написать Вам из Голландии, а пока прошу передать мой сердечный привет Софии Николаевне и всем друзьям и коллегам в Музее. Хорошо ли Вы устроились на даче? И нет ли у нас чего-нибудь нового в Музее?

⁶² ван Вейк Николас (Nikolaas van Wijk, 1880–1941) — голландский филолог-славист. Профессор Лейденского университета (1913).

⁶³ Ёйнболл Хендрик Герман (Hendrik Herman Juunboll, 1867–1945) — директор Rijksmuseum voor Volkenkunde (в 1909–1932 гг.) в Лейдене, специалист по древнеяванскому языку. В материалах Л.А. Мерварт — Юйнболл.

⁶⁴ Снук-Гюрхронье Христиан (Christiaan Snouck Hurgronje, 1857–1936) — нидерландский востоковед, исламовед, путешественник, профессор Лейденского университета.

⁶⁵ ван Ронкел Филиппус Самуэл (Dr. Philippus Samuel van Ronkel, 1870–1854) — профессор малайского языка в Лейденском университете (1921–1941).

Всего Вам доброго желает искренне преданная Вам Людмила Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 233–235].

На заседании Совета МАЭ 19 августа 1927 г. были заслушаны письма А.М. Мерварта из Берлина от 16 июня и из Парижа 20 июня, письмо Л.А. Мерварт из Парижа 30 июня [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 4].

В Нидерланды и их тропические колонии граждан СССР в 1920-е годы практически не пускали, и виза была получена Л.А. Мерварт с огромными трудностями, благодаря Николасу ван Вейку, «ученому слависту Нидерландского правительства по восточно-европейским делам» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т.13. Л. 299]. 29 июня 1927 г. из Парижа Л.А. Мерварт обратилась к директору лейденского Музея народоведения Х.Г. Ёйнболлу:

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Перед моим отъездом из России, в конце мая, господин академик И.Ю. Крачковский сообщил, что обратился к Вам с просьбой оказать мне любезное содействие в работе, которую по поручению Академии наук я должна выполнить в Голландии. Позвольте сначала напомнить Вам мое имя: г-жа Людмила Мерварт, хранитель индонезийского отдела Этнографического музея Российской Академии наук. К сожалению, мой приезд в Лейден задерживается вследствие отсутствия официальных дипломатических отношений между Нидерландами и Россией. Поэтому виза Вашего правительства может быть послана мне только в Германию или Францию. Г-н профессор van Wijck из Лейденского университета уже уведомил меня, что предпринял шаги в Министерстве иностранных дел, чтобы переслать мне визу в Берлин. Однако во время моего трехнедельного пребывания в Берлине визу я не получила, причем, генеральный консул Нидерландов сам сказал мне, что не может понять причину задержки.

Возможно, причина заключается в том, что г-н профессор van Wijck в начале июня уехал из Голландии для участия в конгрессе в Праге и потому в настоящий момент с ним как рекомендую-

щим лицом связаться невозможно. Возникшая таким образом задержка для меня чрезвычайно неприятна, т. к. моё время, разумеется, очень ограничено, а поставленные передо мной Академией задачи значительны. Я должна изучать Гос. Музей [Reichsmuseum] в Лейдене для того, чтобы представить план преобразования нашего Индонезийского отдела и одновременно совершенствовать мои знания в малайском языке.

Обращаюсь к Вам поэтому с сердечной просьбой помочь мне, как Вашей коллеге, в разрешении проблем с паспортом для въезда в Голландию. Для этого прошу Вас оказать любезность — пожелательно ответить на возможный запрос из Министерства иностранных дел в Гааге или, если возможно, обратиться с ходатайством от Вашего имени, чтобы ускорить получение разрешения мне на въезд. Я буду ждать это разрешение в Париже.

Кроме того, я была бы Вам очень признательна, если бы Вы нашли для меня малайца (или малайку) для занятий в Лейдене малайским языком, за соответствующее вознаграждение. Заранее сердечно благодарю. Остаюсь

Искренне преданная Вам Людмила Мерварт».

Л.А. Мерварт вновь написала директору Государственного этнографического музея д-ру Х. Г. Ёйнболлу 27 августа 1927 г. из Брухзала.

«Глубокоуважаемый господин Директор,

В письме от 2-го июля 1927 г. временно исполняющий обязанности Директора Государственного Этнографического Музея (фамилию этого господина, к сожалению, я не смогла разобрать) сообщил, что он обратился в Министерство иностранных дел, чтобы поспособствовать мне в получении въездной визы в Нидерланды. Он также предполагал найти кого-нибудь (малайца), кто мог бы помочь мне в изучении малайского языка. Надеюсь, очень скоро поблагодарить за эту любезность лично, т. к. думаю приехать в Лейден 31-го августа. В Лейдене я пробуду, вероятно, только 3–4 недели и была бы Вам очень признательна, если бы встреча с малайцем состоялась как можно скорее, например, уже 1-го сентября, чтобы, не теряя времени, приступить к работе.

Я чрезвычайно рада, что, наконец, смогу ознакомиться с богатыми коллекциями Государственного Этнографического Музея по Нидерландской Ост-Индии. Остаюсь с глубоким уважением

Л. Мерварт, Заведующая Индонезийским отделом Этнографического Музея Академии наук. Ленинград. СССР».

Лейденский Rijksmuseum voor Volkenkunde (Государственный музей народоведения) в 1927 г. размещался в трех зданиях в разных районах города. Л.А. Мерварт работала в зданиях по адресам Breestraat, 118 и Hoegewoerd, 104⁶⁶. Письма из архива позволяют проследить историю успешно осуществленного межмузейного обмена. Л.А. Мерварт сумела установить хорошие отношения и с крупнейшим нидерландским ученым Христианом Снуком-Гюрхронье («советником Нидерландского правительства по делам Нидерландской Индии»).

Директор музея д-р Х.Г. Ёйнболл 18 сентября 1927 г. дал специальный обед в честь Л.А. Мерварт. «Мои “разумные” взгляды, по словам голландских ученых, сделали чрезвычайно вероятным, что генерал-губернатор Голландской Индии, личный друг Spouik Hurgronje, разрешил бы мне въезд в Индонезию, буде АН меня командировала бы. Въезд в Индонезию вообще для граждан СССР почти невозможен. Генерал-губернатор отказывает в разрешении. Мне же было ясно, что для более серьезного и глубокого знакомства нашего с этой богатой и чрезвычайно важной областью требуется поехать туда и привезти оттуда не только сведения, но и иллюстрирующие жизнь населения коллекции, выставить их у нас и сделать доступными для широких масс, так же, как, например, иллюстрирована у нас, в МАЭ, Индия» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 244 об. — 245].

По возвращении в МАЭ, составляя план пятилетки по отделу Индонезии, Л.А. Мерварт включила туда заявку на экспедицию в Нидерландскую Индию на 1931–1932 гг.: «(последний год пребывания в должности этого генерал-губернатора). Ван Вейк сообщил перед отъездом из Голландии от имени правительства, что

⁶⁶ См.: [Rijks Ethnografisch Museum 1928: 8–9].

моим дальнейшим приездам в Голландию препятствий не будет» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 300].

Приведем текст отчета Л.А. Мерварт о командировке.

«Научный сотрудник 1-го разряда Л. А. Мерварт была командирована в Голландию, Францию и Германию сроком с 1 июня по 8 октября 1927 г.

Задания командировки были:

1) Организация систематического обмена коллекциями с рядом зарубежных музеев, прежде всего голландских.

2) Ознакомление с музейной техникой и экспозицией, преимущественно в новом Музее *Koloniaal Instituut* в Амстердаме.

3) Собрание библиографии по этнографии и языкознанию Индонезии.

4) Изучение малайского языка, особенно литературного, с малайским лектором, ввиду невозможности достать такового в Ленинграде.

Обмен коллекциями удалось вполне наладить с основным этнографическим Музеем в Голландии *Rijksethnographisch Museum* — в Лейдене. Там была отобрана для первого обмена коллекция по быту о-ва Явы. Этот остров в настоящее время выставляется в МАЭ. В обмен на эту коллекцию Государственный Этнографический Музей в Лейдене просит у МАЭ коллекцию по Сибири. *Rijksethnographisch Museum* предлагает МАЭ кроме того коллекции по Африке, Океании, Америке, Японии, Средней Азии и особенно большие коллекции по Индонезии и Новой Гвинее. Два другие голландские этнографические музея, находящиеся в Роттердаме и в Амстердаме, интересуются только голландскими колониями, поэтому с ними возможны обмены только лишь случайные, а не систематические, ибо МАЭ только случайно может иметь интересный для них обменный материал.

Museum für Völkerkunde в Берлине принципиально согласен и на обмен, и на продажу МАЭ своих дублетов. Но в настоящее время он занят учетом и выяснением состава своего замагазинированного материала. При перевыставлении этого музея в 1926 г. магазины были все перевезены в отдельное здание в Далеме, предме-

стве Берлина, и еще не приведены в порядок. Музей предполагает закончить учет к лету 1928 г. Доктор *Meinhardt*, производящий его, обещал одновременно с магазинированием сделать отбор дублетов для обмена с МАЭ. Кроме того, *Museum für Völkerkunde* предлагает МАЭ отливки барельефов знаменитого храма *Angkor Vat* в Кохинхине, *Lautabteilung* Берлинской Государственной Библиотеки — наговоренные туземцами Индонезии пластинки — фонографические записи. И то и другое предлагается за плату.

В области музейной техники и экспозиции Л.А. Мерварт было обращено особое внимание на типологические выставки, как “Одежда и ее изготовление” в Роттердамском Этнографическом музее, “Жилища” в Амстердамском Колониальном музее и в берлинском Музее *Sammlungen zur Deutschen Volkskunde* и др. Изучались также новые: музейная мебель (Кёльнский *Museum für Ostasiatische Kunst*) и оборудование (особенно в *Koloniaal Instituut* в Амстердаме).

Проблема магазинирования коллекций, так остро стоящая в настоящее время перед МАЭ, получила различное разрешение в разных европейских музеях. С тремя типичными формами удалось ознакомиться в музеях Берлинском, Лейденском и Лейпцигском.

Интересна культура просветительного учреждения Колониального Института в Амстердаме, выражающаяся в его Информационном отделе, устройстве лекций, киносеансов, выставок, каникулярных курсов для преподавателей географии и т.п.

Собирание библиографии по этнографии и языкознанию Индонезии явилось заданием особо важным, ввиду совершенного отсутствия до недавнего времени Отдела Индонезии как в МАЭ, так и в библиотеках СССР. Собиранию ее был посвящен месяц работы в Берлине в Государственной Библиотеке и Библиотеке *Museum für Völkerkunde*, 5 недель в Париже в *Bibliothèque Nationale* и *École des Langues Orientales Vivantes*, а также месяц работы в университетской и музейной библиотеках Лейдена. Особенную помощь в этой работе Л.А. Мерварт оказали *Gabriel Ferrand*, секретарь *Sociètè Asiatique* и редактор *Journal Asiatique* в Париже,

профессора: С.С. Snouk Hurgronje, Ph. v. Ronkel, A.W. Nieuwenhuis⁶⁷ и Dr. Н.Н. Јуунболл в Лейдене.

Изучение малайского литературного языка с малайцем лектором оказалось возможным только в Голландии, так как ни в Берлине, ни в Париже не нашлось подходящего человека. В Лейдене, однако, удалось очень усиленно (по 6–7 часов ежедневно) заниматься этим языком с лектором малайского языка при Лейденском Университете Hadji Ismail Rodja Seri Muda, работавшим с Л.А. Мерварт.

Сверх своих основных заданий Л.А. Мерварт интересовалась еще постановкой и состоянием краеведческого дела в посещенных ею странах, для чего изучала музей *Sammlungen zur Deutschen Volkskunde* в Берлине, Дворец-Музей в Брухзале — в Бадене, Музей *Académie de la Val d'Isère* в Мустье во Франции и Музей на Открытом Воздухе в Арнгеме в Голландии. Краеведческие европейские музеи должны явиться естественными источниками для получения коллекций по европейской этнографии, когда наконец МАЭ начнет расширять и, может быть, развертывать свой Отдел Европейских Народностей, столь необходимый в Академическом Музее мировой культуры. Ввиду этого Л.А. Мерварт были выяснены возможности и получено принципиальное согласие на обмен с МАЭ музеев в Лейпциге, в Берлине, в Арнгеме, Брно и Люблянах. Переговоры с директорами последних двух, доктором Поспишилом и доктором Жупаничем, велись на Международном Конгрессе Антропологов в Амстердаме.

Будучи уже в Голландии, Л.А. Мерварт получила приглашение принять участие в работе Конгресса *Institut International d'Anthropologie*⁶⁸, имевшем место в Амстердаме 20–29 сентября

⁶⁷ Ньивенхёйс Антон Виллем (Anton Willem Nieuwenhuis, 1864–1953) — голландский врач, путешественник, исследователь о-ва Борнео. Профессор этнографии Лейденского университета (1904), редактор журнала “Internationales Archiv für Ethnographie”.

⁶⁸ Французский *Institut International d'Anthropologie* был основан в 1921 г., объединил антропологов и археологов. Главными задачами

1927 г. Конгресс имел 5 секций. Л.А. Мерварт работала в двух из них: секции этнографии и секции фольклора. В обеих секциях был ряд интересных докладов, посвященных Индонезии, голландской колонии в большей своей части, и поэтому особенно привлекающей всеобщее внимание на съезде, происходившем на голландской земле» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 43–45].

Отчеты А.М. и Л.А. Мерварт были заслушаны на Совещательном заседании МАЭ 21 октября 1927 г., на котором присутствовали научные сотрудники Е.Ф. Карский, Э.К. Пекарский, В.Г. Богораз, Д.К. Зеленин, В.М. Лемешевский-Любецкий, И.И. Майнов, А.В. Шмидт, Б.Н. Вишневский, А.Б. Пиотровский, С.М. Дудин; постановили передать отчеты в Отделение гуманитарных наук АН СССР [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 62]. На заседании ОГН АН СССР 26 октября 1927 г. академик В.В. Бартольд доложил представленные директором МАЭ отчеты А.М. и Л.А. Мерварт об их заграничной командировке в Германию, Францию, Голландию и об участии Л.А. Мерварт в Международном антропологическом конгрессе в Амстердаме [Там же. Ед. хр. 6. Л. 221]. Ее доклад «О работах секции фольклора и этнологии 3-й сессии Международного Антропологического Института» [Там же.. Ед. хр. 1. Л. 64] был заслушан в МАЭ 28 октября 1927 г.

Позже Л.А. Мерварт написала статью «Современное положение изучения голландской этнографии» (на 17 страницах) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 75]. Она подробно описала и сопоставила методы работы четырех этнографических музеев Нидерландов, коллекции которых ей были хорошо известны. Это Государственный музей народоведения в Лейдене, Колониальный музей в Амстердаме, Музей страноведения и народоведения в Роттердаме, Музей под открытым небом в Арнеме. Последний

ставил изучение антропологии в целом (современных человеческих обществ, сравнительной религии, фольклора и т.д.) и доисторической археологии.

музей, по современной классификации — «скансен» (по названию шведского музея под открытым небом), был посвящен преимущественно фольклору и народному искусству Нидерландов. В других же музеях имелись значительные коллекции из Нидерландской Индии, особо интересующие Л.А. Мерварт. В тот период малаистика как наука только зарождалась, собиралась ее информационная база.

В лучше всего изученном ею лейденском Музее народоведения Л.А. Мерварт удивило почти полное отсутствие посетителей в залах, но при этом она отмечает удобство размещения и хранения коллекций, идеальное именно для исследователей. Относительно индонезийских коллекций Л.А. Мерварт пишет: «Если взять Лейденские музейные каталоги, то можно сразу же убедиться, что они являются как бы индексом, в который занесена по крайней мере наибольшая и наиважнейшая часть явлений индонезийской культуры» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 9]. Она особо отмечает разбросанность музейных собраний по Лейдену: «Канцелярия Музея и его библиотека находятся в доме на улице Рапенбург, рядом с университетом. <...> В этом же доме выставлены отдел Китая, Японии, отдел Индонезийских древностей и отдел Африки, на чердаке хранятся дублеты. <...> В другом доме на улице Бреестрат находятся отделы Северной Америки, Индонезии и отчасти Индии. <...> Магазины же [фондохранилища] к выставленным коллекциям находятся в состоянии получаса ходьбы в старом доме на узенькой улочке Хоховурд» [Там же. Л. 9].

Статья Л.А. Мерварт до сих пор не потеряла актуальности, но уже как историческая, имеющая отношения к истории этнографических коллекций, восходящих к Королевскому кабинету редкостей. На его базе в 1837 г. был создан первый в Западной Европе специализированный Национальный этнографический музей. Напомним, что к тому времени в Санкт-Петербурге уже существовал специализированный Этнографический музей, выделенный из Петербургской Кунсткамеры в 1836 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Ед. хр. 53. Л. 4–18]. *Museum Volkenkunde*

(Этнографический музей) в настоящее время сменил адрес и представляет собой своеобразный музейный городок на Steenstraat, 1, недалеко от Центрального вокзала Лейдена.

В 1927 г., 29 октября, А.М. Мерварт подал директору МАЭ Е.Ф. Карскому *«составленную Людмилой Александровной и мною докладную записку»*⁶⁹ *о возможности обмена и сотрудничества с некоторыми иностранными Музеями. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы нашли время ознакомиться с содержанием этой записки до нашего совещания во вторник, чтобы она могла бы Вам служить материалом при суждении о распределении научных кредитов на текущий год»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 244]. Супруги Мерварт обоснованно рассчитывали на продолжение с таким трудом налаженных между музеями СССР и Европы деловых отношений. Академик Е.Ф. Карский 9 ноября 1927 г. на заседании Отделения гуманитарных наук АН СССР *«доложил записку ученого хранителя А.М. Мерварта и научного сотрудника 1 разряда Л.А. Мерварт по вопросу об обмене некоторыми этнографическими коллекциями внеевропейских стран с музеями в Германии и Голландии и о принципиально согласованной с этими материалами собирательской деятельности. Положено: признать обмен, по указанным в записке условиям, желательным, в т.ч. и для приобретения коллекций, относящихся к европейским народам, и просить МАЭ по получении этих коллекций принять меры к возможно скорейшему выставлению их»* [Там же. Л. 252].

А.М. Мерварт 17 ноября 1927 г. уведомил Е.Ф. Карского о том, что получил приглашение прочесть в июне и июле 1928 г. ряд лекций по своей специальности от директора Востоковедче-

⁶⁹ Докладная записка «По вопросу об обмене этнографическими коллекциями с музеями в Германии и Голландии и согласованной с ними собирательской деятельности» с приложением к ней списка дублетов Лейденского музея, предлагаемых им для обмена с МАЭ (120 предметов с разных островов Малайского архипелага) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 9].

ского семинария в Берлине и профессора Берлинского университета Г. фон Глазенаппа, а от директора Мюнхенского этнографического музея профессора Л. Шермана — приглашение прочесть несколько лекций по дравидской этнографии. *«Одновременно я предполагаю использовать свое пребывание за границей для продолжения начатых мною в этом году переговоров с германскими музеями относительно обмена этнографическими коллекциями. Необходимо привлечь к этому делу богатые музеи в Гамбурге, Дрездене, Кёльне и Франкфурте»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 22].

Индолог Отто Макс Гельмут фон Глазенапп (Otto Max Helmut von Glasenapp) в Берлине в 1920–1928 гг. вел курсы чтения ведийских, классических и буддийских текстов на санскрите и пали. На Востоковедческом семинарии каждый семестр читались курсы публичных лекций, посвященных политическим, социальным и экономическим реалиям современной Индии, ее культуре, поэзии, истории индийских религий и т.д. Г. фон Глазенапп сам много путешествовал, стремясь увидеть собственными глазами уголки Земли, в которых обосновались индийские эмигранты. Он мог по достоинству оценить опыт А.М. Мерварта.

К письму Л. Шермана 14 ноября 1927 г. прилагалось также официальное приглашение А.М. Мерварту.

«Глубокоуважаемый коллега!

Здешний Музей народоведения, с новым выставлением которого Вы знакомы, намеревается, начиная с лета 1928 г., после того как к этому времени, вероятно, все музейные залы будут открыты для свободного посещения, организовать в большом зале заседаний цикл лекций для разъяснения широкой публике в доступной форме [mit gesunder Spezialisierung] образовательной ценности народоведения как науки.

Поэтому позволю себе осведомиться, готовы ли Вы приблизительно в июне 1928 г., основываясь на Ваших исследованиях народного театра, сделанных во время пребывания в Индии, прочесть три одночасовые лекции. Все дальнейшие подробности могут быть оговорены уже в отдельном соглашении; в первую оче-

редь для меня важны эти общие сведения, надеюсь, что Вы ответите мне принципиальным согласием. Жду также Ваших любезных предложений в отношении точного названия темы, которую Вы сочтете необходимым избрать. С наилучшими пожеланиями

Искренно преданный Вам Л. Шерман».

К приглашению в архиве мюнхенского музея приложены и черновые заметки, из помет на которых ясно, что визит А.М. Мерварта планировался на 11–16 июня 1928 г. В этот период он должен был сделать три доклада (каждый длительностью 60 минут) в музее с показом фотографий и слайдов (Lichtbildern) на тему «Индия: страна с людьми»: 1) географическо-этнографический очерк; 2) народные верования; 3) маски и танцы.

Директор МАЭ академик Е.Ф. Карский поддержал и przeprowadил 19 ноября 1927 г. в Президиум АН СССР заявление А.М. Мерварта с просьбой предоставить ему двухмесячную командировку в Берлин и Мюнхен на июнь и июль 1928 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 8. Л. 70], 22 ноября 1927 г. — заявление Л.А. Мерварт «с просьбой предоставить ей двухмесячную командировку в Голландию и Германию на апрель и май 1928 г. для отбора обменными коллекциями по этнографии Филиппинских о-вов в Лейденском музее, для участия в 1-м Международном съезде лингвистов в Гааге с 10–15 апреля 1928 г., согласно полученному ею приглашению, равно как и для ознакомления с новой системой магазинирования коллекций в Лейпцигском этнографическом музее» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 8. Л. 72]. Президиум АН СССР 23 ноября 1927 г. командировки разрешил, но «за отсутствием у Академии наук каких-либо остатков от кредита на заграничные командировки, без особого ассигнования» [Там же. Ед. хр. 6. Л. 272].

Как видно из его писем Г. фон Глазенаппу [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 23] и Л. Шерману от 6 декабря 1927 г., А.М. Мерварт был настроен оптимистически.

«Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Позвольте выразить Вам мою искреннюю признательность за дружеское и почетное для меня предложение прочесть в Музее

народоведения несколько лекций по народному быту Южной Индии [Volksleben⁷⁰]. На основании Вашего приглашения я уже получил от Академии наук заграничный отпуск на июнь и июль. В первые две недели июня, примерно до 14-го числа, буду занят чтением лекций в Берлине, а с 15-го июня — полностью в Вашем распоряжении. Надеюсь, что никакие непредвиденные события не расстроят мои планы и я буду иметь удовольствие следующим летом приветствовать Вас в таком же хорошем расположении духа и добром здравии, как и в нынешнем году. Сердечный привет Вашей уважаемой супруге, коллегам в музее и Вам лично. Остаюсь
Искренне преданный Вам

А. Мерварт» [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 24].

В поисках необходимых для поездки средств А.М. Мерварт обратился с письмами во многие общественные организации: 29 декабря 1927 г. — к Константину Николаевичу Державину, представителю основанного в 1925 г. Всесоюзного общества культурных связей с границей (Мраморный дворец) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 26]. Вновь он просил 10 апреля 1928 г. академика Е.Ф. Карского походатайствовать перед Президиумом АН о назначении ему пособия в размере 500 руб. из остатков командировочных кредитов на этот год [Там же. Л. 33]. Но необходимой суммы найти не удалось.

Заметим, что заявки многих сотрудников МАЭ на командировки за рубеж в тот краткий период, когда советские ученые получили возможность выезда за границу, Президиумом АН СССР поддержаны не были: в 1926 г. было отказано в командировании С.А. Штернберг и Н.Г. Шпринцин на XXII Конгресс американистов в Риме; в 1927 г. — А.Б. Пиотровскому в Гамбург, Б.Н. Вишневному в Германию, Австрию, Францию; в 1928 г. — Н.Г. Шпринцин в Германию и Францию; в 1929 г. — А.В. Шмидту в Финляндию, Швецию, Германию, Венгрию. Но были поддержаны заявления о командировке Е.Ф. Карского на Балканы

⁷⁰ Volksleben — букв. «жизнь народа» (нем.).

и Г.О. Монзелера в Китай в 1926 г., Д.А. Ольдерогге в Германию в 1927–1928 гг., В.Г. Богораза в Берлин и Париж в 1927 г., В.Г. Богораза в США и А.Е. Глускиной в Японию в 1928 г., Г.И. Петрова в Германию в 1928–1929 гг.

Валюты для Академии наук выделялось мало, покупать валюту на личные средства запрещалось, заграничные паспорта без командировочных удостоверений не выдавались. *«Согласно циркулярного распоряжения Особого Валютного Управления НКФ от 9 ноября 1928 г. выдача учреждениями командировочных удостоверений лицам, едущим за границу на собственный счет, хотя бы они и принимали на себя при этом выполнение тех или иных поручений учреждения, снабдившего их удостоверением, воспрещается, и что о всех обнаруженных случаях выдачи таких командировочных удостоверений надлежит немедленно доносить ОВС при НКФ для расследования и привлечения виновных к законной ответственности»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 350]. В частности, в случае с Н.Г. Шпринцин Президиум АН СССР на заседании 5 декабря 1928 г. в § 13 постановил, что *«командировка по формальным причинам не может быть дана. Непременный секретарь академик Ферсман»* [Там же. Л. 350 об.].

Вновь переписка А. Мерварта с Германией активизировалась летом 1928 г. Л. Шерман укорил его в письме 29 мая 1928 г.:

«Дорогой коллега!

Из наших бесед Вы знаете, что в отношении пунктуальности переписки с друзьями в России, если принимать во внимание их самих, я не предъявляю чрезмерных требований; однако, если бы я не осведомился о причине Вашего упорного молчания с начала декабря 1927 г., то касательно Вас это можно было бы истолковать как безразличие. Искушение узнать об этом велико, тем более что в последнем письме Вы делаете особый упор на то, что первые две недели в июне 1928 г. Вы будете заняты в Берлине, а с 15-го июня собираетесь посвятить себя Мюнхену, пообещав нам двух-трехчасовые лекции об индийском народном театре. Ну а то, что я хотел бы подробнее узнать о Ваших предложениях по обмену — для руководителя музея само собой разумеется.

Словом, настоятельно прошу Вас дать знать о себе; я также хочу заблаговременно привлечь внимание Мюнхенского Театрального общества к Вашим выступлениям, и все это требует времени.

Если увидите профессора Бартольда, прошу Вас передать ему сердечный привет и просьбу принять во внимание предложения, изложенные мною в письмах. С наилучшими пожеланиями от всех нас, в особенности от профессора Дирра и от меня

Ваш Л. Шерман».

Он даже приложил рекламный листок München Theater-gesellschaft e.v.⁷¹, где в программу мероприятий был включен анонимный “Vortrag über Südindische Volksspiele (zusammen mit der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst)” — доклад о южноиндийских народных представлениях, который планировалось провести совместно с Обществом восточноазиатского искусства.

Л.А. Мерварт вела переписку с профессорами Ферраном (Париж), Ёйнболлом (Лейден) по научным вопросам [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11 об.]. Сотрудник Берлинского музея народоведения Ганс Финдейзен в 1927–1928 гг. был командирован для изучения тунгусов (остяков), с ним велись переговоры об обмене коллекциями, но он к этому вопросу не возвращался [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 303 об.]. Продвигая проект обмена коллекциями, 14 декабря 1927 г. Л.А. Мерварт сообщала руководству лейденского Государственного музея народоведения:

«Глубокоуважаемый господин доктор,

Я получила Вашу открытку, в которой Вы уведомляете меня о том, что у Вас еще есть дублиеты из Филиппин. Ответила не сразу, ждала, пока хранитель отдела Сибири (новый коллега⁷²) мало-мальски войдет в курс дела, чтобы получить от него необ-

⁷¹ Мюнхенское Театральное общество располагалось по адресу: München, Königinstraße, 25.

⁷² С 1925 г. в отделе Северной Европы и Азии МАЭ работали И.И. Майнов, И.И. Козьминский, С.В. Иванов, Н.П. Дыреноква [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 12], имевшие богатый опыт полевой этнографической работы.

ходимые материалы для обмена. Дело было осложнено ещё и тем, что наше магазинирование совершенно плачевное. Та самая башня, в которой находятся сибирские фонды, неотапливаемая, так что внутри точно такая же температура, как и на улице, сейчас, например, 15–20 градусов ниже нуля.

Зима в этом году пришла 20-го октября, а новый хранитель приступил к работе лишь с начала октября. Все это я рассказываю Вам для того, чтобы Вы не думали, что наш Музей не очень живо интересуется обменом с Лейденом. Напротив! И я полагаю, что интересная коллекция из 22 номеров, которую мы Вам сейчас предлагаем, убедит Вас в этом. Само собой разумеется, эти вещи не все равноценны. Так, например, горшок под № 1 не дорогой цены, однако же приобрести его довольно трудно, поскольку каждая женщина делает [горшков] ровно столько, сколько ей самой нужно. Черепки и использованные горшки не хотят отдавать, потому что они нужны для новых горшков, так, наш Музей обладает только тремя горшками, один из них Вы теперь получите. Особенное Ваше внимание хотела бы обратить на следующие вещи: 1) Всё, что имеет отношение к почти исчезнувшему искусству приготовления кумыса, не только дорого, но и ценно (№ 2, 3, 4). Кумыс — это кислое кобылье молоко. 2) Очень интересно старинное якутское седло (№ 5), особенно потому, что позволяет глубже ознакомиться с прежними русско-якутскими отношениями. 3) Старомодная коса №15 и кремневое ружье № 10 давно заменены современными русскими, равно как и лук № 11.

Что касается описания предметов, то оно включает в себе не только перевод из наших написанных от руки каталогов, но и составленную специально для Вас подборку этнографических материалов. Эти материалы, насколько мне известно, еще нельзя найти в печати. Сведения — от одной старой якутки (67 лет), с которой я прорабатывала сами коллекции, госпожи Марии Ионовой⁷³.

⁷³ Младшая служащая МАЭ Мария Николаевна Слепцова-Андросова-Ионова (1864–1941), якутка, была замужем за народовольцем В.М. Ионовым. Работала в МАЭ в 1922–1930 гг., помогала Э.К. Пекар-

Ее деятельность на поприще якутского языка, фольклора и этнографии была отмечена здесь премией Географического общества, хотя говорит она и по сей день на очень ломаном русском. Я была необыкновенно счастлива, что мне удалось получить ее в качестве информанта.

Как Вы сами, конечно же, знаете, весьма сложно точно определить цену этнографического предмета. Так и мы не знаем, равноценна ли также, на Ваш взгляд, данная коллекция отобранной мною коллекции. Цифры не совпадают, т.к. у нас 22 номера, а у Вас 91, но зато среди 22 номеров есть некоторые, которые стоят «одной или нескольких лошадей». Невольно мне приходит на ум обмен доспехами Диомеда и Главка из “Илиады”.

Если же одна из двух коллекций окажется более ценной, то ведь это только начало контактов по обмену наших музеев и в следующий раз может стать так, что соотношение будет обратным. Мы же никогда не сможем точно определить цену этнографических предметов. Как бы то ни было, для Вас, как и для нас, разумеется, очень важно не обделит друг друга, поскольку любые отношения только тогда могут быть прочными, когда они удовлетворяют обе стороны.

Во всяком случае, надеюсь скоро получить от Вас известия. Что касается филиппинских дублетов, то надеюсь, что в апреле или в мае вновь буду в Лейдене и что эти дублеты, быть может, будут включены во вторую обменную коллекцию.

Это письмо Вы получите, вероятно, около Рождества, поэтому пользуюсь возможностью пожелать Вам, Вашей уважаемой супруге, юному историку искусств и милой фройляйн Нозее прекрасных праздников и счастливого Нового года. Привет также др. Rassers⁷⁴,

скому и С.А. Новгородову в работе по составлению «Словаря якутского языка» и переводу якутских текстов. Была командирована в состав Якутской экспедиции в 1925–1926 гг.

⁷⁴ Рассерс Виллем Хейберт (Willem Huibert Rassers, 1877–1973), консерватор, в 1937–1943 гг. — директор Rijksmuseum voor Volkenkunde. Специалист в области яванской культуры, яванского театра плоских кожаных кукол.

проф. Josselin de Jong⁷⁵, и не забудьте кошек [poossjes]! Всего наилучшего. Жду Вашего ответа

С глубоким уважением Л. Мерварт».

Директор Ёйнболл 6 февраля 1928 г. ответил Л.А. Мерварт.

«Глубокоуважаемая госпожа,

Потребовалось немало времени, прежде чем я ответил на Ваше письмо от 14 декабря. Это было частично из-за моей болезни, частично из-за того обстоятельства, что я колебался просить Правительство о разрешении на обмен. Разница между количеством предметов, которые Вы нам присылаете, и теми, которые Вы отобрали, слишком велика! Я охотно признаю, что якутские предметы очень важные и редкие, но, с другой стороны, наши дублеты также ценны, среди них есть инструмент Bissu из Южного Целебеса, предмет с Андаманских и Никобарских о-вов, которые редки в нашем музее, и три дублета из Сималура, которые, [скажу] с уверенностью, невозможно найти ни в одном другом музее Европы. Следовательно, я надеюсь, что для возможного следующего обмена с нашим Музеем количество предметов, которые мы получим в обмен, будет в некотором роде сходно с теми, которые Вы отобрали здесь.

В прошлую пятницу я получил разрешение на обмен и теперь хотел бы спросить Вас, каким образом вещи было бы лучше транспортировать в Россию и какие формальности должны быть приняты во внимание?

Это может быть лучшим способом, если вы первыми отправите нам ваши вещи, так чтобы мы могли отправить свои тем же путем.

Дружеский привет от всех нас, с почтением (директор)».

⁷⁵ Йосселин де Йонг Йан Петрус Беньямин де (Jan Petrus Benjamin de Josselin de Jong, 1886–1964) — нидерландский этнолог и антрополог, основатель Лейденской школы структурной антропологии. В начале своей карьеры он был куратором Лейденского этнологического музея, специализировался в области американистики и индонезийской этнографии. Возглавлял в Лейденском университете кафедру общей этнологии (1922–1935).

К сожалению, в Лейденском музее не сохранилось начало письма Л.А. Мерварт, где она рекомендует обменную индонезийскую коллекцию «отправить железной дорогой по следующему адресу: Этнографический Музей Академии наук, Ленинград СССР. Отдел Индонезии.

Вместе с тем я хотела бы обратиться к Вам с совершенно особенной просьбой о присылке мне (почтой) по возможности полного перечня отосланных Вами предметов. Поскольку большинство предметов, по всей вероятности, встречается в Ваших печатных каталогах, то достаточно будет сделать ссылку в каталоге на рассматриваемые номера. Это существенно облегчит Вашу работу. Мне бы хотелось, чтобы и у нас были такие каталоги, по крайней мере, по России и Азиатской ее части.

В этом году надеюсь получить для Лейдена совсем иначе составленную и довольно большую коллекцию из наших сибирских экспедиций. Дело в том, что мне перечислили некую сумму, которую я хочу отдать одному из наших молодых этнологов; все они сейчас как раз отправляются в дорогу, для того чтобы до таяния снегов уже быть на месте, а он за это приобретет для меня определенную коллекцию⁷⁶. Думаю, в этот раз наша посылка будет

⁷⁶ Л. А. Мерварт 22 мая 1928 г. просила «командировать мою помощницу научного сотрудника 2 разряда Л.Э. Каруновскую, за ее счет, в Ойратскую АО с 20 июня по 20 сентября 1928 г. для собирания коллекций по быту и культуре телеутов и алтайцев» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 373]. Л.Э. Каруновская летом 1924 г. уже выезжала на Алтай для исследования тюркских народов; с осени 1924 г. она работала в отделе Австралии и Океании [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 83] и в 1925 г. была включена в число временно приглашенных работников, не принадлежащих к числу служащих МАЭ, но исполняющих отдельные поручения в связи с перевыставлением музейных коллекций, по отделу Передней и Средней Азии [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 178]. Лидия Эдуардовна Каруновская (1893–1975) окончила Ленинградский географический институт, с 1923 г. работала в МАЭ, 9 октября 1925 г. введена в новые штаты МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 65].

заключать в себе довольно много номеров, вероятно, около 200–300 предметов. Эта посылка будет действительно интересна уже потому, что собирается по систематическому принципу.

К сожалению, в этом году я не смогу поехать в Голландию. Надеялась, что смогу приехать на международный конгресс, но на данный момент из этого ничего не получилось. В том-то и дело, что всё выходит не так, как мы ожидаем.

Это означает, однако, что коллекции для следующего обмена сама я не смогу отобрать и поэтому мне придётся просить заняться отбором Вас, господин Директор, как только Вы получите фотографии [предметов] посылки, которую мы намереваемся Вам отправить. Это, вероятно, произойдет только осенью, когда возвратятся наши собиратели.

Кстати, Вы писали мне, что у Вас есть для нас филиппинские дублиеты. Это чрезвычайно интересует меня, потому что наши филиппинские собрания весьма бедны. Помимо этого нас особенно интересуют малые Зондские острова, в нашем Музее почти полностью отсутствующие. Если у Вас есть индонезийские, в частности, яванские музыкальные инструменты, то таковые также были бы очень желательны. Гамелана⁷⁷ у нас нет.

Понравилась ли Вашему сыну картинка, которую я послала ему, когда благодарила Вас за Ваш любезно присланный перевод? В этом пакете — совсем другая картинка, с изображением богатого монгола, она для фройляйн Нозее. Не будете ли Вы столь любезны, передать ей от меня картинку и наилучшие пожелания к Пасхе?

Желаю веселой Пасхи также коллегам в Музее, Вам и Вашим близким

Преданная Вам Л. Мерварт».

В бумагах Йосселин де Йонга в Лейденском этнографическом музее сохранился листок бумаги с акварельным рисунком

⁷⁷ Гамелан (от яван. gamel — «стучать, ударять») — традиционный оркестр и вид инструментального музицирования на о-вах Ява, Бали, Суматра. Состоял из ударных музыкальных инструментов, позже также струнных и духовых, всего от 10 до 25 музыкальных инструментов.

Л.А. Мерварт в японском стиле: японка в кимоно на фоне летнего пейзажа, за ее спиной ворота-тории и здание храма. Внизу надпись: «*Счастливого Нового года, здоровья, мира, успехов Christinje⁷⁸ желает Вам, глубокоуважаемый господин профессор, и Вашим близким Преданная Вам Людмила Мерварт*».

В этот период ситуация в МАЭ изменилась. 14 августа 1927 г. скончался Л.Я. Штернберг, который был активным организатором межмузейного обмена. В 1925–1925 гг. ему удалось завершить начатый еще до Первой мировой войны процесс обмена этнографическими коллекциями со стокгольмским Национальным музеем (Riksmuseet, Etnografiska Afdelning) [Бруниус, Соболева 2014]. В Стокгольм были отправлены нанайские предметы, собранные Амгунской экспедицией МАЭ (И.И. Козьминским и Н.К. Каргером). Но состав сотрудников МАЭ менялся, опытные полевики из отдела Сибири уходили на пенсию. Так, 27 августа 1929 г. Президиум АН СССР перевел зав. отделом Сибири И.И. Майнова ввиду временной нетрудоспособности на социальное обеспечение, ходатайствовал о назначении ему персональной пенсии, а на временную работу был приглашен В.Н. Васильев [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 79, 90].

Четвертого февраля 1928 г. Л.А. Мерварт вновь писала директору Лейденского музея.

«Глубокоуважаемый господин доктор!

В своем письме от начала января Вы сообщили мне, что доложили нидерландскому правительству об этнографическом обмене с Музеем этнографии Академии наук СССР. Как обстоят дела с ним? Сейчас я как раз занята экспозицией яванских собранний и очень жду некоторых дополнений к шкафам, которые должны поступить из Лейдена в составе Вашей обменной коллекции. Третий том Вашего каталога⁷⁹, указатель библиотеки Музея,

⁷⁸ Вероятно, уменьшительно-ласкательная форма имени девочки.

⁷⁹ Под руководством Х.Г. Ёйнболла были изданы 23 тома каталога индонезийских и филиппинских коллекций лейденского музея: Juup-

пришел, так что теперь у нас есть полный комплект всех, по сей день вышедших в свет 17 томов. Когда выйдет 18-й? Полагаю, Вы работали над ним именно осенью.

Наш сборник (музейная публикация), к сожалению, до сих пор еще не вышел из печати. С этого года мы делаем его в несколько большей степени ориентированным на наших иностранных коллег: в конце каждой статьи будет приведено резюме на немецком и французском языках. Это полезно, но делает и без того медленную работу нашей типографии еще более медленной.

Чем занимается юный историк искусств? Передайте, пожалуйста, самый сердечный привет ему, Вашей супруге, а также фройляйн Нозее и всем остальным любезным коллегам из Музея. Дайте вскоре знать о себе и о том, что происходит с нашим обменом.

С глубоким уважением

Преданная Вам Л. Мерварт».

В 1928 г., 29 марта, она уведомила руководство лейденского Музея народоведения об отправке якутских коллекций. Основную часть письма занимает детальное описание вещей, приводятся термины на якутском языке, необходимые этнографические пояснения.

«Глубокоуважаемый господин доктор!

Только что отправили Вам большой деревянный ящик с якутскими вещами. Я, правду сказать, получила Ваше письмо от 6 февраля уже 24 февраля, однако большую махину трудно сдвинуть с места, и, пока были выполнены все формальности, а коллекция окончательно прошла таможду, прошел целый месяц. В таких случаях у нас здесь говорят: “Конец — делу венец”. В этом ящике, кроме уже описанных 22 предметов, есть еще 6 предметов, описание которых следует далее. Каждый предмет имеет большой номер, такой же, что приложен к данному письму. Номера относятся к тому самому описанию, которое я Вам уже послала в декабре (или это было в ноябре?), и его продолжению здесь.

Ярлычки приклеены обычным клеем, так что их легко удалить горячей водой.

Ну а теперь — описание <...>».

Л.А. Мерварт вновь пишет в Лейден 19 мая 1928 г.:

«Глубокоуважаемый господин доктор!

Деревья под моими окнами за ночь наконец-то оделись смолисто пахнущим зеленым пухом. По случаю весны илю Вам и Вашим близким сердечный привет. Скоро возьму отпуск и уеду на пару месяцев, но прежде мне бы еще хотелось привести в порядок мой яванский отдел, и для этого я жду коллекцию из Лейдена. Вы уже послали эту коллекцию и каким образом — морем или железной дорогой? Мы еще не получили никакого уведомления.

Сейчас одна из наших экспедиций в горах Алтая собирает у телеутов и алтайцев для Лейдена. Собиратель — ассистент нашего музея — работает среди этих народов уже третий год, владеет телеутским языком и также неплохо говорит на алтайском. Его предыдущие сборы всегда высоко ценились заведующим сибирским отделом Музея. В той местности⁸⁰ пока еще ничего не покупают, а только обменивают, так что экспедиция перед отъездом должна здесь закупать ткани, бусы, ножи и т.д. и везет с собой почти столько же багажа, сколько привозит по возвращении.

Как Вы видите, нам вовсе не нужно ехать в дальние края, чтобы обнаружить совершенно первобытные отношения. Экспедиция возвращается в конце сентября, так что надеюсь, что в октябре уже смогу Вам выслать фотографии собранных вещей.

Весной 1929 г. мы собираемся устроить выставку музыкальных инструментов Азии, поэтому было бы особенно желательно, чтобы Ваша следующая обменная коллекция содержала в себе как можно больше разных индонезийских музыкальных инструментов. Прежде всего у нас даже нет гамелана и вообще почти никаких яванских музыкальных инструментов.

Коллекция, посланная нами, дошла до Вас в хорошем состоянии? Большинство вещей прочные, опасаясь только за Köhüye,

⁸⁰ На Алтае.

глиняный горшок. Могу ли я Вас просить передать фройляйн Нозее вложенные 10 почтовых марок для её коллекции вместе с сердечным приветом от меня. Надеюсь вскоре получить известия от Вас и от неё. Куда Вы с супругой едете во время каникул? Напомню, что Вы собирались навестить нас.

Всегда к Вашим услугам Людмила Мерварт».

В Лейден были отправлены алтайские и якутские предметы из дублетных коллекций МАЭ. 125 индонезийских предметов с о-вов Ява, Мадуро, Банка, Суматра, Сimalур, Ментавей, Целебес, Халмахера, Сумба, Никобарских и Андаманских островов, присланные в ответ из Лейдена, зарегистрированы в МАЭ Л.А. Мерварт в 1928 г. (коллекции № 3738–3747).

Вновь Л.А. Мерварт пишет в Лейден 13 июня 1929 г.

«Глубокоуважаемый коллега!

Ваше письмо от 28 мая я получила три дня тому назад, не ответила сразу же только потому, что мой список [предметов] ойратской коллекции, собранной для Государственного Этнографического Музея, еще не был напечатан. Сегодня он как раз готов, равно как и фотографии предметов, и прилагается вместе с ними к моему письму. Хотя я обещала эту подборку доктору Juunvoll уже в январе, раньше ее послать не могла, т.к. наш фотограф⁸¹ тяжело и долго болел, а когда он наконец вернулся в фотолабораторию (в начале апреля), то у него накопилось столько работы, что лишь неделю назад он смог предоставить мне фотографии, обещанные мною доктору Juunvoll. Всего это 36 таблиц, заключающих в себе 78 номеров, которые относятся к 86 предметам. Как совершенно верно написал доктор Juunvoll, контакты по обмену между лейденским и нашим музеем не закончились, а только начались. Поскольку для Вашего музея весьма затруднительно собирать у нас, равно как и для нашего музея — в Нидерландской

⁸¹ Дудин Самуил Мартынович (1863–1929) — русский этнограф, художник, фотограф и путешественник. Работал в МАЭ с 1893 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 56], в штате с 1911 г., заведовал фотографическим отделом.

Индии, то мы будем заниматься сбором здесь, согласно моей договоренности с доктором Juynboll, а Вы, надеюсь, будете собирать для нас. Доктор Juynboll также сообщил мне, что, имея в виду этот обмен, уже зимой он подготовил для нашего Музея интересное собрание по филиппинской этнографии. В качестве обменных коллекций меня интересуют только Нидерландская Ост-Индия (без Новой Гвинеи), Straits-Settlements⁸², британские [Северное] Борнео и Саравак, Португальский Тимор, Филиппины, Андаманские и Никобарские о-ва, т.е. страны, где представлены индонезийские языки и [племена] негрито этих стран. Нидерландская Новая Гвинея в культурном и языковом отношении принадлежит к Меланезии и поэтому заранее полностью мною исключается. Конечно, я рассчитываю получить из Лейдена прежде всего коллекции по Нидерландской Индонезии, как мы это обсуждали с др. Juynboll. Ведь у Вас есть все возможности приобретать вещи такого рода. В первую очередь я бы очень хотела получить этнографические предметы, [1)] имеющие отношение к религии 2) иллюстрирующие рабочие процессы (т. е. ремесленные инструменты, земледельческие орудия, орудия животноводства, охоты и рыболовства), также продукты, получаемые на разных стадиях ремесленного производства. Из предметов подобного рода у нас есть только серия образцов раскраски батика в виде 12 кусочков ткани, покрытых воском и краской на разных этапах батикования.

Осенью мы собираемся сделать выставку “К истории человеческой религии”. Индонезийская религия в нашем Музее представлена чрезвычайно скудно и, если бы др. Rassers смог бы составить для нас небольшую коллекцию либо из Ваших дублетов, либо из новых приобретений, я была бы ему очень признательна.

Мне написали осенью из фирмы Letaire-Devries, 's-Gravenhage, Sreepwenlaan 36, что они направили одного сотрудника в район Индийского архипелага для сбора этнографических предметов

⁸² Поселения у пролива (англ.) — британские владения на полуострове Малакка и соседних островах.

и охотно собирали бы интересующие нас вещи, никак не обязывая нас к покупке. В ответном письме я обозначила область наших интересов точно так же, как описала её Вам выше, и сообщила, что в данный момент мы ничего из собранного купить не можем.

Как Вы думаете, найдутся ли среди сборов этой или какой-либо другой фирмы предметы, которые могли бы пополнить интересующее меня обменное собрание?

Если Вы просмотрите список и снимки, которые я посылаю в приложении к нему, то, вероятно, заметите, что коллекция целиком составлена по определенному принципу. Ойраты или алтайцы — пастушеский народ, и весь их образ жизни указывает на это. Пища пастушеских народов двух видов: мясная и молочная.

Ойраты питаются молоком и молочными продуктами. Мясо употребляют в пищу редко — это мясо быков, козлов, баранов — и большей частью только при наличии излишка скота. Коров, овец, коз берегут как производителей продуктов. Особенно высоко ценятся кобылицы из-за высокого содержания жира в их молоке и потому, что из кобыльего молока изготавливают популярный опьяняющий напиток. Большинство жизненных потребностей такого народа обеспечивается скотоводством. Из рогов делают стенные крюки. Вербки — из конских волос, сосуды — из кожи или внутренностей. Всё свидетельствует об абсолютной важности стада для ойрата. А то, что стадо не может дать, он должен покупать где-нибудь на стороне. К примеру, ткани для одежды и бусы — китайские или русские. Гончарство у пастушеского народа встречается редко — деревянный сосуд разбивается не так легко. И таким образом ойрат использует дерево там, где он не может использовать кожу. Религия ойратов в этой коллекции не представлена. Я надеюсь осенью получить полный шаманский костюм, хотя получить его нелегко. Ойраты — шаманисты, но с недавних пор у них процветает тайная религия — бурханизм. Под влиянием бурханизма, с одной стороны, и антирелигиозного движения Советов, с другой стороны, некоторые шаманы в этом

году сложили с себя свои обязанности, один из них должен продать для меня свою “форменную” одежду. Ее тоже сможет получить Лейденский Государственный этнографический Музей для пополнения своей ойратской коллекции. Бурханизм — религия мистериий, которая держится в очень большой тайне. С большим трудом мы только начали собирать предметы, связанные с этой религией. Дублиеты мы пока еще не получили.

Литература об ойратах вообще все еще очень скудна, а то, что есть — преимущественно на русском языке. На немецком могу назвать Вам следующие работы:

W. Radloff. *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Südsibiriens. I Theil. Die Dialekte des eigentlichen Altai.* St. Petersburg, 1886.

F.v. Andrian. *Ueber die Wetterzauber der Altaier,* München, 1893.

Winkler. *Die altaische Völker-und Sprachenwelt.* Osteuropa Institut in Breslau, *Quellen und Studien.* VI Abt. Sprachwiss. 1 Heft. 1921.

D. Zelenin. *Ein erotischer Ritus in den Opferungen der altaischen Türken.* Intern. Arch. f. Ethnogr. Bd. XXIX. H. IV–VI. 1928.

Итак, пожалуйста, просмотрите список и фотографии и сообщите мне, хотели бы Вы иметь данную коллекцию. Также, будьте добры, дайте мне знать, что Вы можете предоставить нам в качестве обменной коллекции, вместе с фотографиями и списком. Надеюсь, что этот обмен и в дальнейшем будет систематически продолжаться, и Ваш Музей будет собирать для нас в Индонезии. В этом году мы собираем для обмена на следующий год — у ороков и орочей в Северной Сибири.

Но об этом в следующий раз. И самое длинное письмо когда-нибудь заканчивается. Сердечный привет Вам, др. Rassers и всем тем коллегам в Лейдене, которые еще помнят меня и которых я ещё надеюсь вновь увидеть.

С искренним почтением Л. Мерварт».

На это и.о. директора⁸³ Й.П.Б. де Йосселин де Йонг ответил 25 июля 1929 г.

⁸³ Директор, д-р Ёйнболл, в это время находился на лечении в США.

«Многоуважаемая госпожа,

Огромное спасибо за Ваше подробное письмо от 14 июня 1929 г. и к тому же с приложенными фотографиями предметов, которые Этнографический музей в Ленинграде находит возможными для обмена. Мы заняты фотографированием нашей индонезийской коллекцией дублетов и надеемся вскоре отправить Вам список фотографий. Было бы, конечно, гораздо легче, если бы мы сами могли собирать в Нидерландских Индиях или если бы коллекционирование осуществлялось для Музея, но мы не имеем в своем распоряжении достаточных средств это сделать. Также мы не можем покупать много для Музея. Но у нас имеется богатая коллекция, так что я очень надеюсь, что мы сможем сделать надлежащее встречное предложение.

Д-р Рассерс также передает Вам дружеский привет, остаюсь искренне Ваш (подпись)».

Последнее письмо Йосселин де Йонга было отправлено 9 сентября 1929 г.

«Многоуважаемая г-жа Мерварт,

Настоящим [письмом] я посылаю ряд фотографий дублетов из нашей индонезийской коллекции вместе с сопроводительным списком.

Потребуется значительный срок, прежде чем наш список дублетов из Индонезии будет полностью завершен, но я предполагаю, что партия, которую я Вам посылаю в настоящее время, будет содержать достаточное количество вещей, которые могут быть полезны для Музея в Ленинграде. Если дело обстоит именно так, могу ли я затем просить Вас дать мне знать, которые из изображенных предметов были подходящими для Вас, чтобы получить их в обмен на коллекцию, которую Вы предложили.

Жду Вашего ответа, остаюсь искренне Ваш (подпись)».

Как видим, в письмах Л.А. Мерварт содержится оригинальная ценная информация об этнографических предметах МАЭ, которая выходит за пределы ее профессиональных обязанностей.

К сожалению, события стали разворачиваться таким образом, что реализовать договоренности вышеназванным музеям не удалось.

Но накопленный практический административный опыт позволил получить в 1928–1929 г. из США необходимые МАЭ коллекции, о чем сумели договориться В.Г. Богораз и Е.Ф. Карский. Реформа Академии наук СССР и последовавшие процессы ознаменовались значительной сменой персонала в академических учреждениях. Только в 1930–1932 гг. новый директор МАЭ Н.М. Маторин завершил обмен коллекциями с рядом этнографических музеев США, куда были отправлены якутские коллекции [Купина 2004]. История обмена этнографическими коллекциями в конце 1920-х — начале 1930-х годов до сих пор исследована недостаточно.

Полученные по обмену предметы заняли свое место на экспозиции МАЭ «Народы Индонезии». МАЭ пополнился также книгами по малаистике. Занятия с носителем малайского языка впоследствии очень пригодились Л.А. Мерварт, которая начала преподавать этот язык и заниматься литературным художественным переводом.